

Я
СТАНУ
ТВОИМ
ВРАГОМ

Ольга Погожева

Ольга Олеговна Погожева

Я стану твоим врагом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71660131

SelfPub; 2025

Аннотация

Эта история начинается там, где обычно заканчиваются все остальные.

Война между двумя государствами окончена, но судьбы тех, кто побывал на полях сражений, навсегда изуродованы болью и ненавистью. Возможно ли рождение из самой настоящей ненависти самой искренней любви?

От перемирия на бумаге к перемирию в собственном сердце, о том, можно ли простить врага, о кровной мести и, конечно, о любви.

Первый роман дилогии: Я стану твоим врагом

Второй роман дилогии: Позволь мне решить

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ 1. Свадебный подарок	15
ЧАСТЬ 2. Эпидемия	138
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Ольга Погожева

Я стану твоим врагом

ПРОЛОГ

К полудню войско достигло окрестностей Пратта, и командующий отдал приказ разбить лагерь. На рассвете состоится решающая битва их и без того затянувшейся войны: пограничный город Пратт играл роль не меньшую, чем столицы двух осколков некогда общей империи – Аверона и Валлии. Крепость Пратта, принадлежавшая, согласно древнему уговору, валлийцам, уже не первую сотню лет являла собой лакомый кусок для агрессивного, цепкого Аверона. Падет Пратт – и путь на столицу Валлии будет открыт.

Аверонский командующий Магнус, или Синий барон, как называли его при дворе, проводил финальный осмотр собственных войск. Ничто не внушало беспокойства – бойцы, хоть и устали после перехода и последних сражений, всё же собраны и злы на противника, оружие в полной боевой готовности, провианта хватало – ведь не варвары же они, как эти валлийцы, которым порой приходится есть собственных коней, чтобы не сдохнуть с голоду. Магнусу не к чему было придраться, а ведь это его словами подстегивала свою армию

их императрица – нет предела совершенству!

И всё же Синий барон был недоволен. Многолетний опыт не позволял игнорировать повисшее в воздухе напряжение. И это нельзя назвать признаком победы. Солдаты были злы – да. Но вот победы они уже не хотели. Только мести.

Война затянулась. Четыре года волны агрессии раскатывались то по Аверону, то по Валлии, унося жизни, калеча судьбы, разрушая поселения и города. Дважды они брали столицу Валлии, Галагат, и дважды теряли. Если они возьмут их в третий раз – валлийцы не устоят. Но и Аверон был измучен и высосан войной. Валлийцы не раз подходили к их столице, и, хотя взять её им не удалось, разрушения оказались чудовищными. Этот дикий народ не признавал ни чужих законов, ни чужих святынь.

Это война, и Магнус никого не винил. Война никогда не меняется. И люди – тоже. Командующий войсками Аверона уже давно не видел правды ни в словах императрицы, ни в чужих лозунгах. Война стирает границы, убивает старые идеалы – чтобы родить новые. Вот только увидят ли они, как засияет это новое солнце правды, доживут ли... или...

– Магнус, – позвал его женский голос, и командующий чуть повернул голову, давая понять, что слышит, но в то же время продолжая рассматривать горизонт – там, где раскинулись луга Пратта, там, где ждал их противник. – Тебе нужно отдохнуть. Ночью построение, станет не до сна.

– Я не смогу уснуть.

– Магнус. Пожалуйста.

Командующий не выдержал и усмехнулся: таким тоном жена разговаривала с их девятилетним сыном Михаэлем, когда тот переставал слушаться. «Михо, – говорила жена твердо, – ты должен съесть этот суп. Это полезно для желудка». Или: «Михо! Я очень прошу тебя. Пожалуйста. Надень шарф!»

– Я соскучился по нашему сыну, – тихо признался Магнус, поймав руку жены. Конь под всадницей всхрапнул, но с места не тронулся. – Это безумие, Марион. Это такое безумие – находиться здесь, когда он там... совсем один...

– Магнус, – твердо произнесла женщина, – он не один. С ним наши друзья и слуги, он дома, под надёжной защитой. Даже если с нами что-то случится, ты знаешь, что о нём есть, кому позаботиться. Сэр Кеннет давно считает его своим названным сыном. Михо в хороших руках.

– С нами ничего не случится, – командующий тряхнул головой, сжал пальцы жены. – Слышишь меня, Марион? Ничего...

Марион посмотрела на мужа искоса, но не стала отвечать. Они слишком хорошо знали друг друга, чтобы не распознать страх или ложь. Они прошли всю войну бок о бок, спина к спине – так долго, так невыносимо долго выживая день за днём... Они слишком много сил потратили, чтобы стать теми, кто они есть, чтобы умереть здесь и сейчас.

Магнуса назначили командующим в тридцать пять лет,

шесть лет назад – и Марион гордилась мужем по праву, зная, что всё войско уважало и было бесконечно предано молодому, смелому, и в то же время строгому и бескомпромиссному командующему.

Марион вышла замуж в двадцать лет. Отбирая добровольцев среди простолюдинов в войско, молодой офицер Магнус отметил необычайную ловкость, выверенные, точные движения, свидетельствующие о бесспорном воинском таланте, и угрюмую решимость, сквозившую в каждом лёгком, танцующем движении одного из воинов. И лишь когда его имя оказалось внесенным в список отобранных для регулярного императорского войска, воин снял с себя шлем. И Магнус влюбился тотчас, на всю жизнь, изменившуюся в тот самый миг, когда по кожаной кирасе рассыпались длинные пряди волнистых чёрных волос.

Лишь авторитет Синего барона позволил Марион остаться в войске. Его же авторитет заглушил сплетни и слухи, которыми оброс их скоропалительный брак – дворянина и простолюдинки. В иное время после подобного скандала род Синих баронов был бы навсегда изгнан со двора, но в этот раз случилось исключение. Марион сумела защитить императрицу от нападения там, куда не посмели следовать за ней верные телохранители – и с этого момента, заглушенного уже авторитетом императрицы, началась военная карьера леди Марион, Синей баронессы Аверона.

В мирное время Марион сопровождала императрицу при

дворе, находясь при ней как личный телохранитель и единственная помощница, способная выполнить самые деликатные, неприятные, а порой и откровенно грязные поручения. В военное время Марион следовала за мужем, выступая вместе с ним впереди войска, находясь рядом в самых ожесточённых и кровавых боях, прикрывая спину и не пропуская ни единого противника мимо себя.

Не секрет, что Магнус любил черноволосую воительницу больше и со страстью, которой никогда не выдавала в себе сама Марион. Она прекрасно понимала, что ей безумно повезло, и Синий барон – гарант её покоя, безопасности и жизни. Решительный, уверенный и трогательно влюбленный в неё дворянин вызывал в ней поначалу теплоту и симпатию, но с годами, с рождением сына симпатия переросла в крепкую родственную связь, в тихую признательность за семейное счастье и лишённую невзгод жизнь, в теплую, как огонь камина, любовь. Магнус и Михаэль стали тем смыслом для закаленной дворцовыми интригами и частыми походами воительницы, который позволял ей с улыбкой думать о будущем и переживать каждый бой, зная, что у неё есть те, кто любят и ждут.

– Езжай к шатру, – велел командующий. – Я скоро.

– Я буду ждать, Магнус, – леди Марион высвободила руку, провела ладонью по давно небритому, заросшему густой бородой лицу. Седина уже пробивалась у командующего Авелона, но он казался ей по-прежнему красивым, как в тот са-

мый день, когда она впервые увидела его горящие восторгом глаза. – Не оставляй меня одну.

Мужчина качнул головой, оглядывая закованную в латы жену. Шлем скрывал стянутые в пучок волосы, оставляя открытыми только обветренные губы и глухие тёмные глаза, взгляд которых даже сейчас, в момент их близости, казался твёрдым и жёстким. Никогда он так не хотел обнять её, как сейчас, никогда, даже в их первую брачную ночь.

– Я не оставлю тебя, Марион. Верь мне. Никогда.

На поле брани стоял великий стон, в котором терялся звон оружия, всхрипы обезумевших животных, влажные чавкающие звуки, когда меч или копьё встречались с плотью, и бесконечный гул тысяч голосов, воющих, кричащих, ненавидящих и взывающих.

Марион откинулась назад, на спину своего скакуна, увернувшись от разящего копья, дёрнула поводья, заставляя коня развернуться, двинула ребром щита в круп чужого скакуна. Тот взревел, становясь на дыбы, и женщина пришпорила коня, поднырнув под раскрывшегося врага. Длинный режущий удар, от подмышки до бедра, а затем наотмашь по вздрогнувшей спине... Каждое движение отдавалось болью. Тело, уставшее, отяжелевшее от долгой битвы и собственных лат, подчинялось неохотно, болезненно реагируя на каждое судо-

рожное сокращение мышц, — но подчинялось, подчинялось. За годы сражений, тренировок и жизни, наполненной ежедневными заговорами и опасностями, Марион усвоила главное: расслабляться нельзя. Сожрут противники или подведет собственное тело, почуявшее близость очага — и вот тогда наступит конец. Ни одного лишнего движения, ни одного слова или крика, ничего, что могло бы отвлечь от цели...

Им не победить в этой битве. Валлийцы, хуже подготовленные и истощённые, обладали той звериной волей к победе, той хищной силой, которая не давала сломить их вот уже много сотен лет. Ранее бывшие всего лишь одной из провинций Аверона, свободолюбивые и дикие народы Валлии объединились, чтобы почувствовать вкус свободы от чужого протектората — и уступать столь тяжко вырванную независимую жизнь не собирались. Но и валлийцам тяжело давалась битва. Марион казалось, не раз и не два, что они умрут здесь все до единого — и войска императрицы, и королевское войско Валлии.

Свистнула стрела — у самого уха. Марион крутанулась в седле, выискивая взглядом стрелка. Стреляли прицельно: либо в неё, ведь на её шлеме сиял императорский герб и развивалась синяя лента, либо в Магнуса, сражавшегося впереди войска. На миг их взгляды встретились — Марион и чужого лучника — а затем острая боль в плече и удар, выбивший её из седла.

Она вскочила тут же, перекатившись подальше от своего

коня. Стрелок ранил и его тоже, и ошалевшее от боли животное галопом ломанулось через ряды, топча своих и чужих. Марион зашипела, сжимая пальцы вокруг засевшей в плече стрелы – лучник умудрился попасть в зазор между нагрудником и плечевым наручем, – но тут же выпустила черенок и развернулась, всаживая меч в чье-то открывшееся горло. Пригнулась, уходя от удара со спины, двинула щитом назад, в живот нападавшему. И лишь оглянувшись, в свете яркого полуденного солнца она увидела вставшего на дыбы коня Магнуса, сбрасывавшего пронзённого копьём всадника из седла...

– Магнус!!!

Она рванулась сквозь ряды сцепившейся пехоты, отмахиваясь от своих и чужих, мечом, локтями, ногами прокладывая путь к супругу, рухнувшему под ноги сражавшимся солдатам.

Руки уже тянулись к мужу, глаза выхватили сразу всё: хлынувшую ртом чёрную кровь, пальцы, вцепившиеся в копье, погасший взгляд, направленный на врага...

Убийца сидел в седле, выхватив из ножен короткий толстый меч, и Марион метнула кинжал почти не целясь. Тот вонзился в шею вражеского коня, и животное захрипело и рухнуло, погребая под собой седока.

Марион коротко зарычала на вставшего на пути чужого солдата, двинула кованым сапогом в край щита, раскрывая его для удара, и обрушила клинок на незащищенную латами

шею. Не дожидаясь, пока тот рухнет, отпихнула в сторону безвольное тело и упала на колени рядом с мужем.

– М-м-ма-а-а...

– Тише, Магнус... тише...

Задышавшись, глотая собственный солёный пот, смотрела Синяя баронесса на умирающего мужа. Агония продлилась всего несколько секунд, и всё это время, неделимое, незабываемое, страшное и ненавистное, они смотрели друг другу в глаза. Десять лет. Десять лет тихого семейного счастья, понимания, и самой крепкой дружбы, которая может быть между мужчиной и женщиной, занимавшихся одним делом – войной.

А затем взгляд командующего императорским войском Аверона застыл, и Марион поднялась с колен.

– Убийца.

Выбравшийся из-под рухнувшего коня валлиец замер, глядя на неподвижную фигуру перед собой. Вокруг кричали, убивали и умирали люди, и их короткое знакомство – последний миг перед смертельной схваткой – случилось быстро.

Марион видела высокого крупного мужчину, чернобородого, с пронзительным, удивительно ясным взглядом синих глаз. Эти спокойные, чуть насмешливые глаза мигом вернули её к жизни, избавив от отрешенной пустоты смерти. Он издевался над ними! И явно не испытывал ни уважения к противнику, ни благоговения от того, что убил самого ко-

мандующего аверонской армии. Ни удовлетворения, ни злости, ни ненависти – лишь безмятежность и усталое равнодушие.

И он заплатит, каждой каплей крови – за это безразличие, за смерть её мужа, за эту страшную потерю, за её теперь уже шаткое положение, за отсутствие каких-либо эмоций на до отвращения чистом лице...

Марион обрушила клинок первой, не дожидаясь, пока покалеченный при падении валлиец отыщет отлетевший в сторону меч. Прикрываясь одним лишь щитом от шквала ударов, отступая назад и сильно припадая на раненую ногу, убийца искал свой единственный шанс на спасение. Но прежде, чем его ищущая рука сомкнулась на рукояти чужого меча, очередной удар Марион, кромкой щита в подбородок, отбросил его наземь, и от удара шлем убийцы слетел, явив взору слипшиеся от пота пряди чёрных, как вороново крыло, волос.

Он лежал у её ног почти поверженный, почти мёртвый – и она не стала медлить с ударом. Вот только в последний миг, когда её клинок уже летел в обнажённое горло, мужчина вскинул здоровую ногу вперёд, и от жестокого удара в живот Марион задохнулась, падая наземь, под ноги сражавшимся воинам.

– Бегу-у-у-ут!!! Они бегут!!!

– Валлийцы отступают! Леди Марион! Леди Марион!!!

Её подхватили под локти, вздёргивая на ноги, и мутный

взгляд выхватил за спинами своих офицеров и солдат вражеское облачение – и лицо врага, разрубленное острием её так и не достигшего горла клинка...

– Меченый... задержите... меченого...

– Командующий Магнус! Леди Марион, где командующий?!

– Леди Марион?!

В отчаянии смотрела она, как убийца её мужа взбирается на чужого коня, оборачивает к ней окровавленное, искаженное лицо – и даёт шпоры, уходя от погони.

– Нам гнать их? Леди Марион?

– Нет! – гаркнула она, диким усилием заставляя себя действовать. – Нет! Мы отступаем. Командующий Магнус мёртв... Некому вести войско. Мы отступаем!

Ей подвели коня, помогли взобраться в седло. Марион сорвала с пояса боевой рог, протрубила, и широко махнула рукой, созывая к себе офицеров. Какая ирония, мелькнуло в её голове. Валлийцы разбиты, но изрядно поредевшее императорское войско Аверона больше некому вести к победе...

ЧАСТЬ 1. Свадебный подарок

Феодор нырнул в проулок, протиснулся между телегой и толстым купцом, увернулся от жадных рук нищих и, попутно ухватив с фруктового прилавка пригоршню спелых слив, на полусогнутых, уворачиваясь от пущенного вслед булыжника, побежал к узкому проходу, ведущему на другую сторону улицы. Вслед неслась брань торговца и проклятия попрошайек, по шапкам которых он второпях протоптался, уходя от погони.

Уже на улице Феодор оглянулся, нахлобучил подцепленную шапку с медяками на каштановые вихры, не забыв сунуть гроши в карман, снял и вывернул куртку, перекинув её через локоть, и, чавкая на ходу, принялся заедать свой успех сливами. Погоня затерялась ещё три улицы назад – валлийские вояки не могли знать всех хитросплетений центральных улочек Ренны, столицы Аверона, а имперские стражники не спешили помочь посольской делегации, прибывшей в город. Народу на улицах было – загляденье! Отличная погода для вора, как говаривала сестрёнка.

– А штанина-то выпирает, – раздался невозмутимый голос у самого уха. – Стыд и срам, Феодор. Что сказал бы наш отец?

Легка на помине! Парень обернулся, сверкнул белозубой

улыбкой, подмигнул.

– Сказал бы, шо с кривыми руками на дело не ходят, – протягивая сестре сливу, радостно оскалился Феодор. – Сама-то хороша! Грудь вона из лифа выпадает, небось тоже не просто так.

Флорика беспокойно оглянулась, дернула его в сторону. Они завернули за дом, подальше от шумной улицы, и уселись прямо на ступеньки черного выхода лавки, располагавшейся на углу.

– Показывай, – первой велела сестра, пытливо вглядываясь в братца.

Феодор самодовольно хмыкнул, полез в карман штанины, извлекая на свет тряпицу. Развернул.

– Ох ты ж... – сестрица даже ругнулась, тут же вжала голову в плечи, испуганно обернулась. Привычка последних лет, проведенных в замке недавно почившего командующего Аверона. Тамошние хозяева за поведением слуг следили строго, а уж за этими двумя – близнецами Феодором и Флорикой – особо ревностно. – Это ты... у валлийцев? То-то шум был, на площади... а чаво случилось, никто не ведает, видать, в тайне сохранить хотят...

– Хотят, – задумчиво поправил сестру Феодор, снимая с себя нищенскую шапку и ероша пальцами блестящие каштановые пряди. – Да не смогут. Я не удержался, Фло! Обоз ехал такой наряженный, расфуфыренный... а сбоку брешь... Я ведь только финтифлюшку эту схватить и успел, посекли

меня...

– Засекли, – в свою очередь поправила брата Флорика, осторожно касаясь пальцами богатого ожерелья.

Украшение блестело в сумерках подворотни так, что блики драгоценных камней прыгали по стенам, отражались в узеньких оконцах, переливались всеми цветами радуги. Глазам больно смотреть, прикоснуться боязно. Таких богатых украшений, таких огромных драгоценных камней они не видели даже во дворце Синего барона. Леди Марион к цацкам женским была равнодушна, а фамильные ценности хранились в подвалах, куда даже Феодор с Флорикой не совались.

– Ой, что бу-удет, – протянула Флорика, в свою очередь запуская пальцы в волосы. Стянутые в пучок, согласно столичной моде, от подобного обращения они давно растрепались, обрамляя смуглое лицо с живыми карими глазами. – Скхандалу будет – полны штаны! Леди Марион заботы... и так усю столичну стражу на неё повесили...

– А сама-то, – буркнул Феодор, пряча добычу, – чем лучше?

Флорика тут же оживилась, доставая из лифа золотой браслет.

– Помнишь, как её... леди Нивелийскую, Августу? Ну, та, шо на миледи желчью то и дело брызжет?

– Ведьму энту? А то как же... упыриха!

– Её браслет, – похвастала Флорика, пряча украшение. – Карга хвалилась, шо сама императрица подарила!

Феодор покивал, поймал взгляд сестры. Переглянувшись, близнецы уткнулись взглядами в землистый пол. Ощущение неловкости не проходило. Леди Марион, отправляясь в столицу три месяца назад, взяла их с прочими слугами, строго-настрого запретив воровство в императорском замке и окрестностях. Леди Марион простой народ уважал. Но в высших кругах, особенно после гибели Синего барона, отношение к ней было неоднозначным.

Флорика, оставаясь в покоях Синей баронессы, частенько подслушивала разговоры слуг и господ. Леди Марион терпели во дворце только из-за протектората императрицы Северины, сделавшей леди-рыцаря личным телохранителем, поручительницей особых дел и – временно – капитаном столичной имперской стражи. Авторитет Синей баронессы был непререкаем, её уважали солдаты, с ней мирились офицеры, но дворцовая знать принять не могла. Простолюдинка, рыцарь, воплощение того, кем не должна быть женщина, а тем более жена аристократа.

Пока Марион находилась на полях сражений, это всех устраивало. Никто и слова не сказал, когда именно Марион организовала деморализованное аверонское войско и руководила им до тех пор, пока не был заключен мир между монархами. Валлия откупалась от агрессивного Аверона Праттом и его землями, и империя соглашалась с таким выкупом – сил продолжать войну больше не оставалось.

В сторону хмурой, порой откровенно угрюмой фигуры в

латах старались не смотреть, когда леди Марион ходила по коридорам имперского дворца. Сутки напролет проводя со стражей, занимаясь постоянной муштрой, устраивая бесконечные проверки, точно они по-прежнему находились в состоянии войны, леди-рыцарь переодевалась только к ужину, когда о том уже не требовал, а буквально кричал этикет. Её боялись, уважали – но принять не могли.

Феодор и Флорика воспитывались в замке Синих баронов с десяти лет. Именно тогда их поймала на воровстве Марион, и тотчас, не оставляя выбора беспризорникам, осиротевшим вот уже пару лет, оставила в имении. Более того, Фео и Фло, как называли их слуги, дозволялось присматривать за Синим баронетом Михаэлем. Так, спокойно и без особых потрясений, близнецы пережили четыре года войны.

– Кабы у миледи проблем из-за нас не случилось-то, – вздохнул Феодор.

Флорика промычала что-то, затем, встрепенувшись, дернула брата за рукав:

– А принц-то хорош?

– Валлийский? Ну... рожа чистая. Сам вроде статный, жирный, а большего не скажу, не до того было.

– Молодой хоть? Жаль императорскую-то дочь за дедулю отдавать!

– Ну как молодой... не очень. Как леди Марион.

– Древний, – согласилась сестра, накручивая прядь волос на палец.

Близнецам исполнилось пятнадцать лет. Тем, кто шагнул за двадцатилетний рубеж, Фео и Фло тихо сочувствовали, а отметивших тридцатилетие и вовсе считали глубокими стариками, уже пережившими лучшие годы жизни и вполне готовыми к погребению.

– Пора во дворец возвращаться, – тоскливо вздохнула смуглая девушка, пожевывая кончик каштановой пряди. – Мне к ужину надо платьёв понагладить – для миледи, для Юрты и для себя. Миледи требует, чтобы мы выглядели опрятнее и чище прочих слуг. Тебе тоже надо рожу-то перед ужином умыть. Авось миледи тебя кликнет, а ты перед господами весь в саже покажешься.

– Это не сажа, – обиделся Фео, – я те не трубочист вшивый! Это обычная грязь.

Таира коротко взмахнула пальцами, отсылая от себя камеристку. Вслед за ней последовали и прочие служанки, подбирая за собой корзинки с цветами, ленты, ножницы и булавки. Покои тотчас опустели, и принцесса осталась одна, разглядывая собственное бледное отражение в большом золочёном зеркале.

Камеристка постаралась на славу, стремясь угодить в первую очередь суровой императрице Северине, чей гнев испытать на себе не хотелось никому. Недаром во дворце го-

варивали, что Северина была единственным мужчиной в династии. Императоры, правившие до неё, и её престарелый муж, император Торий, одной ногой уже стоявший в могиле и давно не принимавший даже фиктивного участия в государственных делах, оказались как один мягкотелыми, беспомощными созданиями, не сумевшими навести порядок даже в собственном дворце. С появлением Северины картина изменилась. Как и обострились отношения с Валлией – не терпевшая никаких возражений деспотичная императрица не принимала тот факт, что ставшие независимыми несколько столетий назад валлийцы отказываются подчиняться её требованиям.

Даже её единственная дочь оказалась не более чем средством удержания власти. Старший сын, крон-принц Таир, готовился принять бразды императорского правления от своего отца, а Таире отводилась иная роль – залог мира между враждовавшими государствами. Очень дорогой залог.

Она была как никогда прекрасна в этот день – день, когда она должна увидеть своего будущего мужа, принца Валлии, Андоима. Длинные белые, как снег, волосы, вопреки устоявшейся моде, были приподняты у висков, и свободными волнистыми прядями спускались на спину. Серебристые ленты в волосах оттеняли фарфоровую бледность нежной кожи, и белое платье, легкое, воздушное, было ей к лицу. Вот только в больших серых глазах не отражалось и капли той уверенности, которую излучала её мать, утверждая, что это будет

очень выгодный брак. И что принц Андоим, по слухам, красивый и здоровый мужчина, и что родить наследника от него не составит труда.

Таира боялась этого дня. Принцессе едва исполнилось шестнадцать, и выходить замуж она не хотела. Тем более за того, кто недавно считался врагом всей империи. Да и слухи, ходившие о принце... Разумеется, всего лишь слухи, но шептались придворные дамы очень настойчиво и громко... Да и тот факт, что последняя любовница принца выбросилась из окна, оказался слишком ярким, чтобы можно было его скрыть от вездесущих придворных глаз. А ещё, по слухам...

В дверь постучали. Таира вздрогнула, но не обернулась, наблюдая в зеркале, как в приоткрывшуюся дверь суется голова камеристки.

– Ваше высочество, – невыразительно позвала её она, и Таира поднялась, глядя на собственное прекрасное, но слишком бледное отражение в зеркале. – Вас ждут.

Генерал Нестор Ликонт, герцог северного предела Валии, шел по коридорам императорского дворца Ренны, всей кожей ощущая враждебные взгляды. За время войны он огрубел достаточно, чтобы это не мешало ему думать и действовать трезво. Спокойствие – та отличительная черта, ко-

торая вызывала уважение среди его подданных, и помогла обрести благосклонность короля, даровавшего ему генеральский титул во времена войны. Более того, монарх оценил по достоинству рассудительность, цепкий ум и проницательность молодого герцога, сделав именно его, Нестора Ликонта, своим тайным советником.

Сегодня он был гостем. Он – и целая делегация во главе с принцем Андоимом, приехавшим совершить обряд сватовства. Всё оговорено, никаких сюрпризов. Только одна маленькая неприятность. Они лишились главного подарка жениха – драгоценного ожерелья для принцессы Таиры, сотканного из редчайших камней, которые только можно встретить в горных шахтах Валлии. Во всем мире нет камней, подобных им! Нестор старался не думать об этом. Игра престолов продолжалась; партию нужно сыграть и без главного козыря.

Он шел чуть позади принца Андоима, рядом с августейшим Орестом, младшим братом крон-принца. За ними, шаг в шаг, плечо в плечо, вышагивали лучшие офицеры и воины Валлии. Делегация была сравнительно небольшой, не считая слуг, уже наводивших свои порядки в отведенной им части дворца. Нестор сам настоял на этом: нужно показать, что они доверяют недавним врагам, принимавшим их на своей территории. Случись что, уберечься невозможно, а такой вот показательный жест доверия окажется очень кстати.

В тронной зале стояла абсолютная тишина. Выстроивши-

еся по обе стороны богатого красного ковра придворные рассматривали их жадно, молча, впитывая каждую черту, каждый жест. Нестор был более чем уверен – каждое их слово будет смаковаться в дворцовых сплетнях, искажаться, препарироваться, и в результате обрастет таким количеством деталей, что отличить правду от лжи станет абсолютно невозможно.

Даже престарелый император Торий встречал валлийских гостей. Нестор удостоил его мимолетным взглядом, глянул на юную принцессу, и переключил внимание на их главного противника и союзника – императрицу Северину. Прямая, как копье, сухая, но достаточно высокая, со вздернутым подбородком, и холодным взглядом светлых глаз – императрица привыкла повелевать, и не терпела возражений. Нестор умел обращаться с такими, как она. Главное – не перечить, со всем соглашаться, дать почувствовать свою власть. Но, в конце концов, она всего лишь женщина. А он – обаятельный мужчина, и неплохой актер.

Крон-принц сдержанно поклонился, императорская чета и принцесса чуть склонили головы, отвечая на поклон. Раздались речи стандартных приветствий, и Нестор позволил себе осторожно рассмотреть стоявших за тронами рыцарей, стражу, расположившуюся вдоль стен. Да, а аверонцы не спешат доверять им...

– Легка ли была дорога?

Крон-принц отвечал, и Нестор, чуть склонив голову,

скользнул взглядом в сторону, рассматривая ряды придворных. Расфуфыренные, яркие, наряженные – никто из них не вызывал интереса. Взгляд вновь переместился к трону императрицы, и герцог наконец заметил стоявшую за ним женщину.

Она стояла, чуть опустив голову, и, в отличие от прочих придворных, была одета в темно-синее, почти черное платье, выдававшее не то траур, не то принадлежность к низшему дворянскому сословию. Она должна быть личной помощницей императрицы, особо доверенным лицом, раз имела право находиться так близко к августейшей чете.

Нестор, не отрываясь, смотрел на волнистые чёрные волосы, уложенные согласно дворцовой моде, на точеные черты лица, губы, красиво очерченные, аккуратные, оттененную чёрными прядями белую шею...

Он не смог бы назвать её самой прекрасной из всех женщин, которых знал, но лицо её, свежее, одухотворенное, но которое, как он ясно понимал, с годами станет вполне обычным, её поза, собранная, но спокойная, неулыбчивый, даже мрачный образ вызывали в нём самый неподдельный интерес.

Герцогу исполнилось тридцать три года. Он считал себя искушенным мужчиной, и уже пропускал мимо внимания очарование юности, так влекущее всех прочих. Он давно пресытился и улыбками юных прелестниц, и неприкрытым флиртом придворных дам, и чопорным поведением домаш-

них куриц.

Эта женщина никому не стремилась понравиться. Даже сложенные на юбке руки, одна поверх другой, как и положено по этикету местным дамам, держали веер скорее как рукоять меча, а не как кокетливое средство для придворных игр – она не поигрывала им, не раскрывала, не помахивала, увлекая маскарадом блёсток. Нестору даже показалось, что рука её, напряжённая, чуть смуглее, чем у местных красавиц, готовится к короткому замаху, как при метании кинжала.

Ликонт мысленно усмехнулся собственным мыслям. Нет, он не был сентиментальным, но и отрицать очевидное не собирался: незнакомка нравилась ему. У него давно не было женщин, а уж о серьёзном романе и говорить не приходилось – Нестор избегал подобного сам, всецело отдаваясь нуждам королевства. Какие могут быть романы у тайного советника? Ликонт не относился к той категории мужчин, что отзываются о женщинах презрительно, недооценивая их ни как людей, ни как противников. Герцог не позволял себе такой глупости. Сколько любовниц крон-принца приходилось ему ликвидировать, убирать с пути, когда они становились чересчур опасны! А сколько зла могла совершить убийца, подосланная в постель монарху? Нет, тайному советнику не нужны были ни длительные романы, ни связанные с ними проблемы.

Но, очевидно, они задержатся в Ренне, а значит, у него самого есть время на легкую...

Незнакомка вскинула глаза, и мысль оборвалась.

Кровь отхлынула от лица, шрам вспыхнул огнем, и ошарашенный герцог только теперь понял, как сильно просчитался. Все недавние мысли точно ледяной водой смыло: почти чёрные от ненависти глаза женщины лезвием полоснули по его лицу, наотмашь, словно повторяя тот путь от виска к подбородку...

Тогда, на поле боя, он не видел её лица, скрытого шлемом, но очень хорошо запомнил темно-серые, непрозрачные, глухие тёмные глаза. Он не раз слышал о ней – странствующая леди-рыцарь, личный телохранитель и жена убитого им главнокомандующего Магнуса. Почти легенда. Женщина-воин, простолюдинка, получившая допуск в высшие сословия аристократической знати. Она же оставалась в императорском дворце при Северине, верная, как пёс, и непримиримая, как затянувшаяся война.

Леди Марион...

Как он сразу не догадался! Слепец, слепец...

– Герцог, – раздался сильный голос, и Ликонт сдержанно поклонился, отвечая на внимание императрицы к своей персоне, – слышала, здоровье главнокомандующего Валлии оставляет желать лучшего? По слухам, он с самого конца войны не покидает своего поместья. Это так?

– Война никого не щадит, – уклончиво, но с улыбкой отвечал Ликонт.

– Вас, я вижу, она тоже не обошла стороной. Шрамы не всегда красят, – императрица кивнула ему, и герцог вынуж-

денно улыбнулся, ещё больше растягивая уродливый порез, искажавший черты открытого, мужественного лица.

– Я бы сказал, что мне очень повезло, – Нестор не отрывал глаз от императрицы, но боковым зрением видел, как вскинула побледневшее лицо леди Марион. – Противник промазал совсем немного, ваше величество. Я счастливый человек.

Северина удовлетворенно кивнула, выжидательно помолчала.

– Разрешите теперь приподнести вам, ваше величество, его величеству и принцессе скромные дары в знак признательности за тёплый прием и как залог мира, – крон-принц Андоим шагнул в сторону, широким жестом повелевая выйти вперёд офицерам и воинам, несшим ларцы с драгоценностями.

Принц Орест потупил взгляд, глянул на помрачневшего герцога. Главный подарок – ожерелье для принцессы Таиры – должно было стать украшением обряда сватовства. Сегодняшний инцидент ещё не обсуждали, но что-то придется придумать, когда подойдут сроки. Им гостить здесь несколько недель, прежде чем крон-принц попросит руки Таиры, но для поисков драгоценности в чужой стране этого могло оказаться слишком мало.

– Вы, должно быть, устали с дороги, – заговорила принцесса по знаку Северины, как только отзвучали сухие слова благодарности. – Мы будем рады видеть вас за ужином.

Крон-принц смотрел на будущую супругу с вежливой

улыбкой, долженствующей знаменовать восхищение. Нестор подумал, что на мумию императора он смотрел бы с большим интересом.

– Я благодарю вас, принцесса Таира, – медленно, со значением произнес он, и Таира вспыхнула, сцепив руки на подлокотниках.

Гости откланялись. Пропуская крон-принца, Нестор позволил себе быстро обернуться, скользнув отсутствующим взглядом по императорской чете, принцессе; задержав его лишь на миг на неподвижной фигуре в тёмном платье. Леди Марион не отрывала от него глаз, и мимолетного взгляда не вышло: она ждала его. Уже отворачиваясь, герцог Ликонт понял, что с этого момента у него стало одним врагом больше.

И, возможно, леди Марион стала самым непримиримым его врагом.

– Ну, чаво там? – нетерпеливо дёрнула брата за рукав Флорика, пытаясь выглянуть из-за его спины. – Не вижу ж ничо из-за твоей откормленной жо...

– Нишкни, – шикнул брат, присаживаясь на корточки, и давая сестре обзор. – Уже уходят.

– Ну вот, опоздали, – огорчилась Флорика, теснясь между створкой двери для слуг и тяжелой шторой, отделявшей сверкавшую залу от узких коридоров черни. – Который тут прынец?

Феодор не ответил. Делегация, заслонявшая ему вид на императорскую чету, наконец прошла по широкому ковру, пропадая из поля зрения, и он увидел – самую прекрасную, самую неземную, трепетную, как предрассветный сон, и недостижимую, словно мечту...

Сердце вора пропустило пару ударов, а потом забилось вновь, – и Феодор стал другим человеком.

– Она будет моей! – выпалил он, и в разгоравшихся карих глазах Флорика с ужасом увидела бесконечный восторг, самое неподдельное восхищение, которое только может испытывать влюбленный юноша.

– Чи-и-во-о-о?!

Парень не отрывал горящего взгляда от белоснежного каскада волос, серебристого платья, больших серых, встревоженных глаз – и сестра тихо выругалась, безошибочно определив, на кого смотрит брат.

Вот только порадовать такая блажь Флорику не могла. Гадкое это дело – родиться простым вором, и вдруг влюбиться в принцессу. Которая, к слову сказать, уже через несколько месяцев должна стать королевой Валлии...

Видеть врага на поле битвы, и видеть его в зале перед собой...

Леди Марион быстрым, злым шагом направлялась в свои

покои, и попадавшие ей на пути слуги испуганно шарахались в стороны. До ужина оставалось всего несколько часов – немного, учитывая, что в этот раз ей всё же придется постараться, чтобы не позорить императрицу.

Сердце билось в груди так, словно всё это случилось лишь вчера – командующий Магнус, пронзённый копьем, рухнувший всадник, шлем, откатившийся в сторону, скользнувшее по лицу острие меча...

Она надеялась никогда не встретить его вновь. Ненависть – это замечательно лишь на поле боя. Там, где можно убивать, не спрашивая имён, не делая скидок на титулы. Ненависть хороша только для мести. Какая может быть месть в стенах императорского дворца, накануне долгожданного сватовства, долженствующего воссоединить два осколка некогда общей империи? Северина возлагала большие надежды на этот брак, и разве вправе она думать по-другому?

– Миледи...

– Все вон.

Юрта, прекрасно изучившая госпожу за годы службы, торопливо покинула покои. Вон – так вон. Сама позовёт, когда остынет.

Марион рухнула на широкое ложе, зажала виски кулаками, раскрыла ладони, запуская пальцы в волосы. Герцог Нестор Ликонт стоял перед внутренним взором так же невозмутимо, как и в зале, и насмешливые синие глаза смотрели, казалось, в самую душу. Он знал, что она ничего не

может сделать. Пока что – ничего. Он знал, и чувствовал себя хозяином положения – как и тогда, на поле боя.

Женщина зажмурилась, стиснула зубы, раскачиваясь, баюкая в груди глухую боль. Не уберегла, не уберегла...

Поступая на службу в имперское войско, Марион не думала, что жизнь её изменится, почти в один день, резко и навсегда – тот самый день, когда её заметил Магнус. Не надеялась на счастье и тогда, когда узнала о том, что в ожидании ребёнка. Однако Синий барон поступил странно: вопреки обществу, сплетням, положению и собственному авторитету он женился на воительнице. Она не любила Магнуса, выходя за него замуж, но научилась любить его потом, год за годом, день за днём проводя время рядом с ним. Скоропалительный брак оказался по-настоящему счастливым. Муж научил её всему. Грамоте, наукам, искусству, манерам – он подарил ей новую жизнь.

И она берегла его так, как не смог бы уберечь ни один другой телохранитель. Долгих десять лет...

– Будь ты проклят, Нестор Ликонт, – глухо, отрешённо вглядываясь в сумрак опочивальни, пробормотала баронесса. – Будь ты проклят...

Должно быть, прошло много времени, раз Юрта решилась постучать. Марион глубоко вдохнула, раз, другой, поднимаясь на ноги.

– Зайди, – позвала она камеристку. Служанка осторожно просунула голову в дверь, убедилась, что в опочивальне всё

цело, и уже смело распахнула створку, заходя внутрь. – Юрта, сегодня я должна выглядеть хорошо. Очень хорошо.

– Нестор, – позвал Орест, откладывая книгу в сторону, – а ведь принцесса Таира очень красива, не так ли?

– Ну, – уклончиво отвечал герцог, потирая виски. Неприятный осадок от встречи с Синей баронессой никак не проходил. Он не боялся, нет, он знал, что для неё он неприкосновенен, но как только они покинут столицу, её ничто не будет сдерживать. С другой стороны, он слишком плохо знал её, чтобы судить о том, на что она способна.

– Жаль её, – выдохнул Орест, оглядываясь на дверь в соседние покои.

Их опочивальни находились рядом друг с другом, и кронпринц Андоим ещё переодевался к ужину.

– Я бы на ней женился, – признался Орест, подпирая кулаком подбородок. – Она такая нежная, воздушная...

– Но достанется твоему брату.

Орест дернул щекой, выразительно глянул на молодого генерала. Их дружба носила странный характер. Оресту казалось, что Ликонт не открывается ему полностью, но, с другой стороны, это был тот максимум, которого можно ожидать от тайного советника короля. В конце концов, принц был благодарен и за такую дружбу: сложно найти равного августей-

шей особе человека, с которым можно общаться... вот так.

– Не думай об этом, – посоветовал Нестор. – Не твоя работа.

Орест кивнул. Ликонт бросил косой взгляд на друга, покачал головой. Такие, как он, ни к чему не остаются равнодушными. К большому сожалению, так как избежать дворцовых интриг не удавалось даже младшему принцу, не претендующему на престол.

– А ведь я видел, – вдруг улыбнулся Орест, тряхнув светлыми вихрами. – Ты смотрел на ту женщину. Леди Марион?

Герцог подобрался, напрягся, опуская руки на подлокотники.

– И что?

– Нестор, ты смотрел на неё. – В ореховых глазах Ореста уже плясали весёлые чертики: принц был начисто лишен инстинкта самосохранения, не замечая сгущавшихся в зале туч. – И я знаю этот взгляд!

– Ты ошибаешься, – почти грубо оборвал принца тайный советник. – Это просто взгляд.

Не объяснять же Оресту, что любящие друг друга супруги порой развязывают войну, что уж говорить о мимолетном влечении. Знал бы Орест, сколько любовниц его брата...

– Я готов, – объявившийся в дверях крон-принц Андоим пригладил светлые, как у брата, волосы, придирчиво провел рукой по коротко стриженной светлой бороде. – Мы можем идти.

Ужин начался торжественно. Гостей рассадили на почётные места, и Нестор без всякого удовольствия отметил, что императрица посадила его даже ближе, чем младшего принца Валлии, Ореста. Открытие не порадовало: очевидно, Северина готовила ему детальный допрос. Ни как тайному советнику, ни как генералу валлийской армии ему это не нравилось. Как не нравилась и близость к нему первой приближенной императрицы, Синеи баронессы леди Марион.

А ведьма была хороша...

Хороша той выдержанной, как многолетнее вино, зрелой красотой, которую так ценил в женщинах Ликонт. Темно-бордовое, атласное платье облегло крепкую, атлетическую фигуру, в уложенных тёмных волосах блестели рубиновые камни. Внезапно подумалось, что кровь у неё, должно быть, тоже такая же – красная, яркая...

Собственные мысли не нравились.

Нет, они не протянут долго рядом друг с другом. По крайней мере, на её месте сам он недолго бы выжидал. Убийца мужа...

Её придется убить, хотя бы потому, что такие, как она, с этой глухой решимостью в раненых глазах, всегда идут до конца. Её придется убить, потому что с женщинами шутить опасно. А с такими, как она...

Марион подняла на него тяжёлый взгляд, и какой-то миг они смотрели друг другу в глаза. Нестор вдруг понял, что

переговоров не будет. Пальцы сами сомкнулись на рукояти столового ножа. Женщина смотрела в упор, пристально, напряженно – и он отвечал со всем вниманием, изучая своего врага. Как никогда остро ощутил он нарастающее внутреннее беспокойство. Тайный советник, генерал валлийской армии Ликонт привык держать дела под контролем. Сейчас он не только не владел всем происходящим – он попросту ступил на вражеское поле, почти безоружный, уповая только на собственную удачу.

– Герцог, – наконец оправдала его ожидания императрица, – это правда, что вам принадлежит весь северный предел Валлии?

– Моей заслуги в этом нет, – обворожительно улыбнулся Ликонт, прекращая безмолвный поединок взглядов.

– Земли перешли к вам согласно закону о майорате?

– Да, я оказался единственным наследником мужского пола в династии. Я уже говорил, ваше величество, – уважительно склонил голову Нестор, – я очень счастливый человек.

– Немногие могут похвастать тем же, – взгляд Северины слегка потеплел, и герцог мысленно поздравил себя с первой победой. – Леди Августа, – обратилась императрица уже к собственной придворной даме, – вы обещали надеть мой подарок к этому ужину. Где же браслет, которая я вам дарила?

Дама, к которой обращалась императрица, вспыхнула, скомкано отвечая на вопрос, и Нестор воспользовался передышкой, скользнув взглядом по сидящим.

Крон-принц сидел напротив принцессы Таиры, и девушка, прекрасней, чем накануне, старательно отвечала на каждую его фальшивую улыбку. Нестор переглянулся с Орестом, уже попавшим под обаяние рыжеволосой красавицы, одной из особо приближенных придворных дам, и вновь глянул в сторону леди Марион.

Ведьма молчала весь ужин, и, как заметил Ликонт, к ней никто не обращался, более того – её практически не замечали. Должно быть, Синяя баронесса слыла страшной женщиной, раз до сих пор, полгода спустя смерти её мужа, никто из здесь присутствующих придворных мужчин не сделал попытку обольстить леди-рыцаря. А ведь она была богата, красива и молода. Странно, очень странно...

– Вы знакомы с леди Марион, герцог?

Нестор едва удержался, чтобы не вздрогнуть. Вопрос императрицы застал врасплох.

– Не имел чести.

– Моя верная помощница, Синяя баронесса, леди Марион. Супруга покойного командующего Магнуса, упокой Единый его душу. В битве под Праттом мы потеряли многих достойных офицеров... Ведь вы участвовали в битве при Пратте, генерал Ликонт?

Все взоры сидящих за столом обратились к нему. Ненавидящие, жадные, агрессивные – воспоминания военных дней ещё долго будут жить даже среди таких дворцовых крыс, как эти.

– Я участвовал во многих битвах, ваше величество. Пратт – лишь одна из них.

– Леди Марион также принимала участие во всех боях, вместе со своим супругом Магнусом. Быть может, вам доводилось встречаться на полях сражений?

Императрица вплотную подобралась к главному вопросу, а Нестор совсем не хотел давать ей шанса выяснить, кто именно убил главнокомандующего аверонским войском.

Взгляд скользнул к тому месту, где сидела леди Марион. Тёмные глаза вспыхнули диким, безумным огнём; гнев рвался наружу, учащая дыхание, оживляя бледные щеки лихорадочным румянцем. Губы её были плотно сжаты, точно сдерживали рвущийся крик, пальцы судорожно зажали вилку. Нестор знал, что за целый вечер она не проглотила ни кусочка, даже вина не пила, а вынужденное молчание лишь разжигало её изнутри.

– Если бы мы встретились, я бы запомнил, – ответил он.

Императрица Северина медленно кивнула.

– Баронессе временно подчинена вся столичная стража. Я уверена, вы можете попросить леди Марион о любом одолжении. Всё, что потребуется нашим дорогим гостям.

Северина коротко улыбнулась в сторону крон-принца, Андоим рассыпался в выражениях самой искренней признательности, когда императрица повернулась к Синей баронессе:

– Не так ли, леди Марион?

Рыцарь вздрогнула, подняла глаза. На какой-то миг их взгляды, предупреждающие, хищные, вновь встретились, а затем Марион разомкнула губы:

– Конечно.

Это был первый раз, когда он услышал её голос. Холодный, ровный, отрезвляющий – такой голос выдавал человека, которому действительно всё равно, какое впечатление он производит на окружающих. Теперь Нестор понимал, почему вокруг красивой и богатой вдовы не крутятся стайки претендентов на счастье. Пожалуй, он бы тоже поостерёгся...

Вечер продолжался, и Нестор улыбался на уже вполне безобидные вопросы императрицы и придворных дам, чувствуя, что худшее на сегодня позади. Его забрасывали вопросами, тербили, ему улыбались и с ним флиртовали – он медленно вживался в жизнь реннской дворцовой знати. Вот только взгляды, которые бросала на него леди Марион, иглами вонзались в сознание, сбивали речь, не давали расслабиться. Впервые такое бесконечное внимание со стороны красивой женщины заставляло его вместо желания испытывать неприязнь, и полностью менять ход игры.

Флорика беспокойно огляделась, пробежала от одного края имперских конюшен до другого. Конюхи и слуги, ожидавшие господ, обращали внимания на неё не больше, чем

на посудомойку, случайно заплутавшую в хитросплетениях императорского замка.

– Фео, где же ты, Фео, – заглянув на всякий случай в последнее стойло, в отчаянии выдохнула девушка.

С того злосчастливого вечера брата словно подменили. Феодор ходил по коридорам, как замороженный, с отсутствующим взглядом, с лихорадочно горевшими щеками, отвечал невпопад и почти не реагировал на господские поручения. Флорика покрывала близнеца, но тревога за него не проходила. Ранее весёлый, подвижный, брат стал задумчивым и мрачным. А ещё начал неприязненно отзываться о людях, чего ранее Флорика за ним не наблюдала.

– Этот крон-принц... валлийский... выродок тот ещё, – ненавидяще шептал ей брат, когда в имперском дворце наступала ночь, и слуги расходились по лабиринтам подвалов, где им отведены были крошечные кельи, – я слышал, что говорят о нём... и я видел! Видел своими глазами! Он не любит её... мразь, грязная мразь!..

– Ты чаво такое говоришь-то? – пугалась Флорика, хватая холодную кисть брата, и накрывая её своими ладошками. – Что ты видал? С чаво решил, что не любит?..

– Я повидал таких, – хмуро отзывался близнец, и мрачные карие глаза блестели безумным огнём, – ничтожеств, – тщательно выговорил последнее слово Феодор. – Он – грязное похотливое ничтожество! Ежели б знать, что она... что Таира... будет счастлива... с ним... но она не будет, Фло! Он...

– Да что он-то? – нетерпеливо трясла брата Флорика.

– Слуги бают, – неохотно пустился в пояснения Феодор, – что Андоим... что он грешник. Нет, дослушай! Будто даже его отец, король Харитон, подумывал передать корону... своему младшему сыну, принцу Оресту... потому что скрывать выходы Андоима становится всё тяжче...

– Грешник? – тихо поинтересовалась Флорика, оглядываясь на темноту их крохотной кельи.

Слуги ночевали на двух половинах имперских подвалов: мужской и женской. Но даже строгий дворецкий устал угрожать немилостью этой неразлучной парочке, да и предусмотрительного в их действиях не замечал, так что на их ночные визиты друг к другу смотрел сквозь пальцы. Когда близнецы попадались, влетало обоим, но устраивать ночные проверки их келий дворецкий давно перестал. Чаще проскальзывать к брату приходилось Флорике, поскольку к ней подселили ещё нескольких горничных, и поговорить стало совершенно невозможно.

– Что он не гнушается сношениями... как с женщинами, так и с мужчинами, – смято и с отвращением пояснил Феодор. – И что, как только очередная пассия ему надоедает, её... или его... находят мертвым. В последний раз скандала едва избежали...

Флорика сжала пальцы брата, придвинулась ближе.

– Фео, не мучай себя, – попросила девушка неожиданно серьёзно. – Ты ничаво сделать не можешь. Кинь как есть...

– Я не могу! Я... я ему глотку... за неё... если только он коснётся, только коснётся...

– Фео, он её будущий муж, – продолжала уговаривать вспыльчивого брата Флорика, – он не сделает ей дурного, не посмеет... она ж принцесса, Фео... он побоится... не переживай, не мучайся...

Уговоры уходили, как вода в сухую землю: брат слушал, кивал, но туча с его лица не исчезала. А наутро и вовсе пропал, бродя по замку. Флорика могла только надеяться, что Феодор, раньше такой осмотрительный, не попадёт сгоряча в неприятности. Вот и сегодня, едва выдалась свободная минутка, как близнец пропал, и девушка искала его уже почти час, не зная, куда на этот раз занесло её братца.

– Это моя лошадь, – раздался голос позади неё, и девушка подпрыгнула от неожиданности, отпрянув прямо на попятившееся животное. – Эй, осторожнее!

– Простите, мессир, простите! Я... искала... я тут искала... – залепетала Флорика, в отчаянии оборачиваясь. Влетит, ох влетит! За наглость, за дерзостное поведение, за осквернение чужого имущества, предполагаемое конокрадство...

– Всё хорошо, тише, – улыбнулся «мессир», протягивая её руку. – Выходи оттуда. Конь у меня с норовом, того и гляди, взбрыкнет. Поранит...

От подобного обращения Флорика обмерла, безропотно позволяя вывести себя из стойла. «Мессир» оказался немо-

лодым – по меркам самой Фло – мужчиной около тридцати лет, с длинными платиновыми волосами, собранными в хвост, и внимательным взглядом зелёных глаз. Одет он был богато, но без особой роскоши – рубашка, заправленные в высокие сапоги штаны, кожаный плащ с капюшоном. Флорика не знала, что и думать: на рыцаря не похож, на высокородного дворянина тоже.

– Простите, – повторила она. – У меня брат потерялся. Ужо не знаю, где искать...

– В стойла больше не лезь, – серьёзно предупредил мужчина, выводя своего коня под уздцы. – Лошади – благородные животные... но и им всякое в голову ударить может.

– Вы не сердитесь? – не поверила своим ушам девушка. – Правда, не сердитесь?

– Нет, – мужчина улыбнулся, проходя мимо неё. – Не сержусь.

Некоторое время Флорика смотрела вслед незнакомцу, пока тот не вывел животное из конюшни, затем всплеснула руками и выскочила вслед за ним.

– Почему вы один, мессир? Где ваш слуга, почему не подал вам коня?

– Захотел прогуляться в одиночестве. Иногда так хочется вдохнуть свежего воздуха, – мужчина перекинул седло через спину коня, стянул ремешки. – Ты так не думаешь?

– Не знаю, – честно призналась девушка. – У меня нету так много времени, чтобы думать про воздух-то.

Мужчина тихо рассмеялся, легко вскочил в седло. Оружия при нём Флорика не заметила, один только странного вида заплочный мешок.

– Вы в лес? Совсем один? Не боитесь, мессир? – странная лёгкость, с которой мужчина общался с ней, придала ей и смелости, и сил. – Совсем безоружный...

– Даже будь у меня меч, – продолжая улыбаться, ответил он, – немного смог бы я сделать в случае беды. Я не воин, дитя.

– Мессир, – опомнилась Флорика, как только мужчина тронул поводья, – постойте! Подождите, – уже сбивчиво повторила она, доставая из юбки небольшой кошель, – вот, вы обронули...

Мужчина глянул на неё внимательней, покачал головой, забирая свои деньги.

– А я-то думаю, отчего мне так полегчало, – усмехнулся он. – Ступай, дитя, и больше не попадайся. Не все здесь такие добрые, как я.

Улыбка у него была очень светлой. Она и придала ей сил для последнего рывка:

– Мессир! Кто вы, мессир? Как мне вас называть? Я не встречала вас здесь прежде...

Мужчина помолчал, потом, будто решившись, представился:

– Януш. Можешь звать меня Януш, дитя. Я лекарь его светлости герцога Ликонта. Доброго дня тебе, красавица.

Флорика провожала отъехавшего доктора долгим взглядом, распахнув рот и выпучив глаза. Нет, таких мессиров она точно раньше не встречала! Как он сказал? Януш...

— А я Флорика... — шёпотом и крайне запоздало представилась девушка. — Просто Флорика...

Нестор наблюдал.

Удар, отражение. Удар, защита, стойка. Удар, уклон, контратака.

Они провели в императорском замке уже неделю, а пушенные по следу воров воины каждый раз возвращались с пустыми руками. Нестор всерьёз задумывался о замене их свадебного подарка, а близость дня помолвки не давала покоя его мыслям даже ночью. Обратиться за помощью к начальнице столичной стражи стало одной из тех бредовых, но навязчивых идей, которые не покидали его голову ни на минуту.

Леди Марион проводила тренировку — в полном облачении, с оружием в руках. Обычно на тренировках использовались деревянные или затупленные, с закругленным острием мечи, но у Синей баронессы, очевидно, были свои мысли на этот счет.

— Быстрее! Ещё быстрее!

Острие клинка, очертив дугу, царапнуло шлем и щеку

воина: тот отшатнулся в последний миг, и касание вышло лёгким, почти безболезненным. Ощущение опасности, тяжесть настоящего оружия в своих руках и руках наставницы обостряли чувства, ускоряли рефлексy, и ощутимо сокращали длительность тренировок и обучения: стремившиеся остаться целыми воины большинство движений и приёмов схватывали с первого раза, не ожидая повторений и связанных с ними рисков.

– Хорошо.

Наставница вернула клинок в ножны, коротко кивнула воину, позволяя вернуться в строй.

– Тяжело в учении...

– ...легко в бою!!! – гаркнули воины, заканчивая давно заученный девиз.

Нестор не видел её лица, но мог поклясться, что Марион улыбается.

– На сегодня всё. Сэр Эйр!

Подошедший на её зов младший офицер стал на её место, проводя последние наставления. Марион отошла к крепостной стене, на ходу расстегивая ремни шлема. Уже у каменной кладки осторожно стянула шлем, встряхнула головой, вдыхая свежий воздух. Стянутые в пучок волосы были влажными от пота, лицо покраснелось. Определённо, Нестор не смог бы сейчас назвать её красивой – но совершенно определённо, не мог отвести глаз.

Избавиться, немедленно избавиться от этого наваждения.

Леди Марион уже общалась с невысоким молодым офицером, когда тот кивнул поверх её плеча, и женщина резко обернулась, безошибочно глянув на смотровую площадку.

Нестор не видел её глаз, но по напряжённой, выжидающей позе понял, что настало время ему сделать шаг. Спокойно, уверенно, не спеша, генерал Ликонт спустился со смотровой площадки, прошел через весь внутренний двор и приблизился к Синей баронессе.

– Леди Марион, – герцог сдержанно поклонился, и молодой рыцарь, беседовавший с наставницей, шагнул назад, к стене, где сидели и стояли в ожидании тренировки лучшие воины столичной стражи.

– Герцог Ликонт.

Нестор коротко улыбнулся – одними губами.

– Мне больше нравится моё генеральское звание, леди Марион. Оно не перешло ко мне по праву рождения и честно мной заслужено.

Женщина дёрнула щекой; по окаменевшему, застывшему лицу пробежала судорога.

– О, да. Вы его заслужили, – тихо и страшно проговорила она.

Безумием было предполагать, что эта женщина чем-то поможет ему. Следовало срочно сменить тему, и Нестор коротко кивнул на стройные ряды воинов, упражнявшихся в борьбе.

– Постоянные тренировки. Мне нравится ваш подход, ле-

ди Марион.

– Я считаю, генерал Ликонт, что лучше быть всегда наготове. Нет лучшего залога мира, чем хорошо подготовленная и отлично вооружённая армия противника.

Если бы Нестор мог себе позволить, он бы усмехнулся. Определённо, эта женщина могла стать лучшим союзником – но вместо этого стала самым страшным его врагом.

– Нельзя всё предусмотреть и ко всему подготовиться, – ему хотелось откланяться как можно скорее, чтобы болото этих тёмных, глухих и неподвижных глаз не затянуло его ещё больше – туда, где выход будет только один, и только для одного.

– Так говорят только лентяи, сменившие жар поединка на тухлую вонь дворцовых интриг. Но ведь вы не относитесь к ним. Не так ли. Генерал Ликонт?

Нестор медленно огляделся. К их беседе прислушивались, его реакции ожидали. Лучшие рыцари императорского дворца и воины столичной стражи – они ждали его слов, его ответа на вызов. Капкан был расставлен, и он сам наступил на него.

– Конечно, нет, леди Марион, – приторно улыбнулся герцог, скидывая свой плащ. – Вы правы, дворцовые интриги никогда не заменят дружеского поединка. И если потребуется, я готов доказать это на деле, здесь и сейчас.

Марион слегка склонила голову, приподняла бровь, изображая удивление для своих рыцарей, чтобы те знали: это

добровольный выбор, личное желание валлийского генерала – попробовать свои силы в поединке. Агрессор – не она.

– Как пожелаете.

Воины оживились, для них освободили одну из тренировочных площадок. Нестор мог только порадоваться, что не снимал верной кирасы всю эту чрезвычайно длинную неделю. Возможно, самую длинную в его жизни... хотя их пребывание в Ренне ещё не окончено, и кто знает, что ещё припасла для него эта...

Марион шагнула на песок площадки, дошла до центра, резко обернулась. Меч, вынутый из ножен – как продолжение руки, взгляд – холодный, режущий – направлен на него.

– Я вижу, вы без шлема. Генерал. Теперь и мне придется отказаться от него.

Нестор сокрушённо развел руками.

– Не имею привычки ожидать нападения от тех, с кем заключен мир.

– И именно поэтому вы не расстаетесь ни с мечом, ни с кирасой, – сухо добавила Марион.

Нестор коротко улыбнулся, медленно потащил из-за спины двуручник.

– Для этого есть другие причины, – глядя ей в глаза, медленно и уже без улыбки проговорил он.

Двуручник описал в воздухе дугу, встретился с рыцарским мечом, ушёл в сторону. Нестор и Марион ступали по кругу, медленно, осторожно, точно под ногами не песок был

– уголья раскалённые. Короткий одноручный меч уступал в одиночном поединке мощному двуручнику, но щит в левой руке воительницы уравнивал положение. Марион не могла и не подпускала противника близко; ведь Нестору достаточно сделать единственный выпад, чтобы достать её. Нестор, в свою очередь, старался не идти на провокации, почти не двигаясь с места, не позволяя себя увлечь в воинский танец леди-рыцаря.

Оружие налагает определённый стиль ведения боя, реакцию на противника. Нестор ждал быстрых налётов от вооружённой коротким оружием воительницы, но оказался всё-таки не готов. Сделав обманное движение вправо, женщина метнулась вперёд и влево, попадая в мёртвую зону противника, пригнулась, ныряя у того под отведённым локтем, и уже на излёте, разворачиваясь у него за спиной, царапнула лезвием по подбородку. Нестор зашипел, развернулся, успев тяжело, наотмашь ударить уходящую воительницу по раскрывшейся спине. От удара Марион упала наземь, тут же перекатившись, вскакивая на ноги – подальше от разозлённого врага.

Царапина почти повторила тот путь, задев подбородок, и первая кровь – его кровь, Нестора Ликонта – упала на песок.

– Дружеский поединок заканчивается с первой кровью, генерал, – напомнила Марион, тяжело дыша.

Он задел её достаточно, чтобы она не могла стоять с той же легкостью, что и ранее – боль не давала ей солгать. Она

стояла в привычной стойке, меч и щит в её руках соприкасались, готовые к защите и нападению – но раненое тело отказывалось стоять так же ровно, предательски изменяя осанку.

– Я прошу у вас милости продолжить поединок... миледи.

Голос подрагивал от ярости. Нестор пытался унять гнев и не мог. Она напомнила ему о собственном бегстве с поля боя, когда валлийские войска начали отступление, напомнила всего одним движением, будто говоря – вот она, моя метка, моё клеймо на твоём лице. Вот оно, и ты, и я знаем об этом.

– Как пожелаете.

Нестор перешёл в наступление. Двуручник выписывал длинные дуги, плясал в руках, перескакивая из ладони в ладонь, изматывал порывистыми движениями как его, так и воительницу. Она устанет раньше: он сильнее, выносливее, и не провел всё утро в изнурительной муштре новобранцев.

Широкое лезвие двуручника свистнуло, рассекло воздух – над ухом, над головой, под ногами, заставив её подпрыгнуть, побережь ноги. Всё-таки информатор оказался прав: Нестор Ликонт по праву считался одним из лучших фехтовальщиков Валлии. Марион могла только уходить от шквала ударов, пережидая бурю, выжидая момент.

Несколько раз герцог раскрывался, несколько раз получилось достать его тычковыми ударами – не слишком сильно, чтобы не ранить, но достаточно ощутимо, чтобы оставить крупные синяки под толстым слоем металлической кирасы.

Марион присела, позволяя лезвию свистнуть над головой, и в тот же миг почувствовала, как лопается бечёвка, перехватывающая волосы, и ранее собранные в пучок пряди хлестнули её по лицу, освобождаясь от плена прически.

Она ударила шагнувшего вперед герцога кромкой щита по незащищённым лодыжкам, заставляя того пошатнуться; вскинуть меч, встречая удар сверху, перекатиться, уходя от тяжести давления, вскочить на ноги, в защитную стойку.

Нестор смотрел на рассыпавшиеся по латам тяжелые черные пряди, на запыхавшееся, раскрасневшееся лицо, и чувствовал доселе незнакомое, жгучее желание – лишить её власти, этой колдовской, ведьминской власти над ним. Лишить её того, что сводило с ума, избавиться раз и навсегда от навязывания.

Перехватив двуручник в защитную позицию, Нестор пошёл вперед. В глазах Марион мелькнула тень беспокойства: герцог шел на неё, но ударить она не могла: торс валлийца был надежно защищён его собственным оружием, и единственное, что она могла делать – отступать.

Нестор не собирался ждать. Перебросив двуручник в правую руку, он пошёл в наступление. Ударив ногой в край щита, герцог обрушил двуручник на левое плечо воительницы – и совсем не удивился, ощутив – так близко – короткий замах её меча. Он ждал этого, он был готов – перехватив её правое запястье, он притянул женщину к себе, переходя в тесный контакт.

Щит в её высоко поднятой левой руке удерживал огромный двуручник на весу, сдерживая удар, не давая герцогу воспользоваться оружием. Нестор сам помог ей, разжав пальцы, позволяя тяжелому двуручнику упасть в песок – и поднырнул под щит, плечом удерживая её отведенную руку в прежнем положении.

– Ведьма, – шепнул он, перехватывая рассыпавшиеся по её плечу волосы. – Ведьма...

– Убийца, – прохрипела женщина, дёрнувшись вслед за его движением.

Полускрытые её щитом, тесно прижатые друг к другу, они замерли – всего на миг – а затем Марион поняла и вскрикнула, попытавшись разжать кольцо.

Нестор надавил сильнее, заставляя её собственную руку держать меч, наклоняя его всё ближе – и дёрнул на себя, отсекая зажатые в другой руке волосы...

Кольцо распалось – Марион, вывернувшись, двинула герцога сапогом в колено, заставляя того отшатнуться назад, рухнуть на спину. Нестор тут же перекатился, поднимаясь на ноги, но поединок был окончен.

Обезоруженный, но победивший, генерал Ликонт смотрел на леди Марион. Раненая левая рука безвольно повисла вместе со щитом, правая по-прежнему сжимала рукоять собственного предательского меча, только что послужившего оружием для врага. Женщина закусила губу, не поднимая на него ненавидящих, блестящих глаз. А у ног её лежали от-

сеченные пряди некогда роскошных чёрных волос...

Януш медленно ехал по широким тропинкам королевского леса, всё дальше отдаляясь от имперского дворца. Здесь царила самая настоящая живая тишина, которую так любил молодой доктор: пение птиц, треск веток, шелест листвы и журчание лесных ручьев. Замкнутые пространства он не переносил. Не привык к ним и за годы службы у герцога Ликонта, проведенные в основном на полях сражений.

Янушу едва исполнилось двадцать девять лет. Жизнь молодого доктора нельзя было назвать безоблачной. Отец его, обедневший дворянин, после смерти жены судьбой сына не интересовался: Януша отослали в монастырь Единого, где он провел долгих десять лет, наполненных постом, молитвой и непрерывным обучением. На его пятнадцатилетие отец сделал последнее доброе дело, оплатив его обучение в одной из лучших магистерских гильдий Валлии, и скончался от скоропостижной болезни. Вступить в наследство Янушу не довелось: имение раздали за долги, и, как оказалось, статус покойного отца перед кончиной был таковым, что он едва не лишился дворянского титула из-за скандальной связи с замужней женщиной. От бесчестия его, да и Януша, как наследника рода, спасла только смерть.

К двадцати годам Януш остался без дома, без семьи, без

денег и положения, с запятнанной репутацией отпрыска порочного отца.

Ещё в монастыре целительные способности его замечали монахи – умение отрока снимать боль облетело всё братство; а после окончания гильдии Януш стал одним из лучших, но также и одним из самых непризнанных лекарей королевства.

Его услугами пользовались обедневшие дворяне, духовенство, порой и простолюдины, прекрасно знавшие, что молодой доктор в помощи не отказывал, если не было веских на то причин. Януш не думал, что в его жизни что-то изменится, пока судьба не подарила ему две встречи, одну за другой: крайне неприятную и спасительную, укрепившую его шаткое положение.

Януш спешился, взял коня под уздцы. Заплечный мешок он закрепил у седла, и останавливался время от времени, чтобы сорвать нужные травы. В имперских лесах встречались порой лекарственные мхи, которые не росли в Валлии, и Януш не хотел упускать возможность собрать их.

Он забрёл уже достаточно далеко: мешок наполнился наполовину, а солнце начало клониться к закату. В лесу темнело быстро, и Януш заспешил обратно: как бы ни был приятен свежий воздух лиственного леса, ночевать под открытым небом не хотелось.

Решив обойти каменистый холм с другой стороны, доктор услышал журчание ручья, и конь за его спиной довольно фыркнул, чуя близость воды.

– Стой! Кто идёт?

Женский голос прозвучал так резко и так неожиданно, что Януш невольно шатнулся назад. Конь недовольно заржал, не уступая хозяйскому произволу, и доктор ткнулся спиной в теплую морду, понимая, что пути назад нет, придется спускаться к самой воде.

– Я прошу прощения... миледи? Я не знал, что тут кто-то есть. Можно мне пройти? Тропа узкая, мне не удержать коня.

– Спускайся, – разрешил голос, и Януш осторожно сошел по каменистому склону к воде.

Конь всхрапнул и едва не вырвал узду из его рук, устремившись к ручью, где уже устроил себе водопой пригарцовывающий гнедой скакун, искоса глянувший на соседа. Сидевшая на берегу женщина выглядела странно: разбросанные по камням части доспеха, меч и щит, и окровавленная серая рубашка, которую женщина полоскала в реке. Такие же серые штаны были заправлены в армированные сапоги, а на плечи был накинут плащ, который покрывал обнажённые плечи и грудь. Хуже всего выглядели волосы: короткие, волнистые, с неровными, косыми краями, они создавали впечатление, будто кто-то просто вырвал у неё клочок волос, оставив вместо роскошной шевелюры воронье гнездо.

А ещё у неё были воспалённые тёмные глаза, покрасневшие и сухие; горящие почти безумным огнем, как у раненой волчицы. Она смотрела на него, не то готовясь к броску, не

то выжидая... Януш тряхнул головой, приходя в себя.

– Во имя Единого! Миледи... вам нужна помощь!

Женщина окинула его цепким взглядом, отвернувшись, выжимая рубашку.

– Кто ты? – резко, неприязненно бросила она, не реагируя на его слова.

Януш осторожно приблизился, присел на корточки, касаясь рукой земли.

– Я лекарь, – сказал он. – И я могу помочь.

Она вскинула глаза, меряя его взглядом – долгим, невыносимо тяжёлым. Януш несмело улыбнулся, пытаясь разрушить эту непробиваемую стену отчуждения, и руки её, державшие мокрую рубашку, дрогнули.

– В самом деле? Можешь?

Януш кивнул, придвинулся ближе.

– Если вы позволите.

Марион усмехнулась, разглядывая молодого мужчину, перебросила мокрую рубашку через плечо. Этим честным, понимающим зелёным глазам и светлой, спокойной и теплой, как весеннее солнце, улыбке хотелось верить. И тембр его голоса – мягкий, ненавязчивый...

Должно быть, сработала привычка – молодому доктору не раз приходилось утешать, успокаивать, уговаривать буйных больных, отказывающихся от доброй помощи.

Она медленно кивнула.

Януш придвинулся ближе, безошибочно потянувшись к

прикрытому плащом левому плечу. Отражение чужой боли, так явственно, так остро, он ощутил, едва приблизившись к ней. Ему не нужно было видеть рану, чтобы знать, где болит.

– Я сниму боль, – негромко объяснил он, положив ладонь ей на плечо. – Во имя Единого...

Марион хмыкнула ещё раз, с удивлением рассматривая незнакомца. Нечасто встречались среди лекарей те, кто веровал в Единого Бога. И тем более не встречались среди них те, от прикосновения горячих ладоней которых становилось так невыносимо жарко, так невероятно легко... и свободно...

Боль утихла, перестав терзать измученное тело, и Марион облегчённо выдохнула, на миг прикрывая глаза. Левое плечо, то самое, на которое обрушился двуручник герцога, пострадало не только от самого удара, но и от прогнувшейся, не выдержавшей удара брони, вонзившейся в кожу. Это оказалось сущей пыткой – снимать левый наруч, наплечник, вытаскивать кусок металла из открытой раны...

– Теперь надо промыть рану и наложить повязку, – Януш отнял ладони от её плеча и вопросительно посмотрел на вчительницу. – Мне нужно осмотреть вас.

Марион развязала тесьму плаща, позволяя тому упасть на землю.

– Глубокая... – лекарь покачал головой, поворачивая её руку так, чтобы рассмотреть рану. – Промойте плечо, миледи, я принесу травы. Они помогут снять воспаление.

Он спустился к воде, где, удовлетворённо фыркая от дол-

гожданного водооя, стоял его конь, снял заплечный мешок, на ходу доставая нужные травы, сполоснул в воде. Женщина забрела в воду по колено, чтобы удобнее было промыть плечо, и он не стал тратить времени попусту, принявшись собирать хворост. Вечерело очень быстро, тьма в лесу падала всегда неожиданно, а ему нужен был свет.

– Как зовут тебя, лекарь?

Она казалась сейчас уже совсем спокойной: боль оставила её, проясняя освободившийся от терзаний разум; лицо, умытое, освежённое, вопреки первому впечатлению, оказалось приятным, и приглаженные влажные волосы уже не были похожи на воронье гнездо.

– Януш, миледи.

Он достал из сумки чистые тряпицы, которые брал с собой на случай, если придется укутывать свежесобранные травы, перочинным ножом разрезал их на несколько длинных полос.

Женщина опустилась рядом с собранным хворостом, принялась разводить костер, искоса наблюдая за его приготовлениями. Некоторое время они молчали, пока пламя набирало силу, затем Януш придвинулся к костру.

– Сядьте ближе к огню, миледи, – попросил он.

Над костром вновь повисло молчание: Януш был занят наложением повязки, женщина изучала его, без всякого смущения разглядывая одухотворённое лицо, руки, работающие быстро и умело, внимательные глаза.

– Боль, – вдруг сказал лекарь, оставляя перебинтованное плечо. – У вас болит... Вы позволите?

Марион помедлила: удар, пришедшийся по спине, не особо тревожил её, когда острая боль в плече затмевала всё остальное, но ощущался сейчас, под тугой повязкой, стягивавшей грудь и спину.

Этот незнакомый юноша сделал уже достаточно, чтобы доказать свой лекарский талант, ему хотелось верить. Она повернулась к нему спиной, медленно распуская поддерживающие грудь бинты, привычно потянулась к волосам, чтобы перекинуть их через плечо и скрыть наготу, но тотчас отёрнула руку, ощутив под пальцами неприятную пустоту.

– Вот так, – чуть провернув её к свету, проговорил лекарь, – во имя Единого...

Знакомое тепло от прикосновения неожиданно горячих ладоней разлилось по телу, успокаивая глухую боль в ушибленной спине. Януш провёл руками по обнажённой коже несколько раз, тряхнул кистями, снова коснулся опухоли пальцами.

– Здесь ушиб, – негромко проговорил он, – не слишком большой... Холод прикладывать не советую, миледи, можно застудить спину. Не тревожьте рану несколько дней, и это пройдет. Если... будет лучше, если вы... не станете бинтовать грудь. Хотя бы сутки.

Руки сами соскользнули со спины, и Януш отвернулся, позволяя незнакомке накинуть плащ. В свете костра кожа её

отливала почти бронзовым светом, и молодой доктор с запоздалым удивлением понял, что женщина привлекает его – так, как не должна привлекать требующая лекарского ухода и заботы больная.

В свои не такие уж юные годы Януш так и не познал плотской любви. Нет, он не давал обета безбрачия, когда жил при монастыре, но вначале монастырская жизнь, затем напряжённая учеба в гильдии, а позже – три года нищеты, когда едва удавалось сводить концы с концами, не оставляли шансов для романтических увлечений.

Януш знал себя достаточно, чтобы избегать случайных связей: как и отец, он оказался однолюбом, и любовь на одну ночь его не прельщала. Но поиски той, единственной, затянулись, а война и пять лет на полях сражений вместе с патроном, герцогом Ликонтом, и вовсе лишили его всякой надежды на собственное счастье: разве мог он позволить себе влюбиться, когда не принадлежал сам себе? Может, с годами, когда молодой генерал Ликонт остепенится, осядет, и не нужно будет проводить столько времени в постоянных разъездах...

Оказывается, любовь приходит совсем не тогда, когда человек к ней готов. Это Януш понял почти сразу, как только кровь прилила к щекам, а сердце забилось чаще.

– Как ты оказался здесь, Януш?

– Собирал травы в имперском лесу, – пустился в сбивчивые пояснения молодой доктор, с трудом выравнивая дыха-

ние. — Уже собирался обратно, когда встретил вас...

— Мне повезло, — женщина вымученно улыбнулась, подсаживаясь к костру. — Правда, Януш. Ты очень помог.

— Позвольте, — доктор кивнул на мокрую рубашку, которую всё ещё сжимала в руках воительница.

Марион кивнула, позволяя ему развесить рубашку на толстых сучьях, поближе к костру. Ночь упала стремительно, как всегда бывает в лесу, и в темноте родились звуки — всхрапывание лошадей, журчание ручья, уханье ночных птиц и крики животных. Следовало возвращаться во дворец, но на Синюю баронессу внезапно снизошло такое блаженное, почти безразличное спокойствие, какое она не испытывала уже очень давно. Должно быть, впервые со дня смерти Магнуса, и только рядом с этим странным молодым лекарем, ощутила она подобное.

То было полное отсутствие какой-либо опасности, тихое умиротворение, исходившее от него. Станным он был, этот Януш. Очень привлекательным, насколько она могла судить, и в то же время начисто лишённым той самодовольной уверенности, которую она привыкла видеть в признанных придворных красавцах.

— Ваш доспех, — напомнил Януш, кивая на разбросанные на камнях латы.

Марион устало глянула в темноту, не сразу отвечая молодому лекарю.

— Позвольте?

Синяя баронесса усмехнулась, наблюдая, как Януш ищет в темноте части доспеха, и складывает их у костра. Когда лекарь наконец подошёл, прошло достаточно времени, чтобы она отогрелась и окончательно пришла в себя.

Тогда, на площадке, она просто не смогла ничего выдать из себя. Ликонт, хвала Единому, тогда молча откланялся, подобрал своё оружие и ушёл прочь – его никто не задерживал. Она выдержала немногим больше, прежде чем, переложив все дела на капитана Эйра, умчалась подальше от людских глаз.

– Януш, – позвала она, кутаясь в плащ. – Я впервые вижу тебя в императорских лесах. Откуда ты?

Лекарь опустил рядом с ней, подкидывая веток в костёр. Отношения аверонцев и валлийцев всё ещё оставались напряжёнными – неудивительно, учитывая ещё не заключённый брак между крон-принцем Андоимом и принцессой Таирой, и едва установившийся шаткий мир. Говорить правду не хотелось, но и лгать Януш не привык.

– Я из Валлии, – признался лекарь, глядя ей в глаза. – Прибыл вместе с делегацией. Я лекарь его светлости герцога Ликонта.

Женщина дёрнулась, как от удара, и лекарь запоздало пожалел о собственной честности, не позволившей ни солгать, ни хотя бы промолчать.

– Вот как? В таком случае, тебе не следует задерживаться здесь, Януш. Герцогу, должно быть, не помешает сейчас твоя

помощь.

Януш едва не подскочил.

– П-почему?

Марион посмотрела на встревоженное лицо молодого доктора, успокаивающе улыбнулась, протянув ему руку. Этот юноша ничем не заслужил её злости и пропитанных желчью ядовитых фраз.

– Не переживай, Януш. Несколько ушибов и царапина на лице – пустяки по сравнению с тем, с чем приходилось встречаться отважному генералу Нестору Ликонту, не так ли?

Доктор шутки не разделил, продолжая пытливо вглядываться в её лицо, ожидая пояснений. Марион вздохнула.

– Правда, Януш. Ничего страшного с ним не произошло. Живой твой герцог... Но будет и в самом деле лучше, если ты прямо сейчас отправишься во дворец – не стоит испытывать терпение генерала, если он не найдёт тебя на месте, правда?

– Я не слуга ему, – сглотнув, проговорил Януш. – Но я должен быть рядом, если он нуждается во мне. Я должен, миледи.

– Тогда езжай, – снова вздохнула Марион. – Раз должен.

– Я... боюсь, что... не найду дорогу обратно, миледи. Я плохо... вижу в темноте.

Марион помолчала. Парень открылся ей, без всякой задней мысли выдав всё, что знал, и сделав всё, что мог. Она не могла поступить по-другому.

– Только ради тебя, Януш, – растянула губы в мёртвой

улыбке Синяя баронесса, поднимаясь с земли. – Только ради тебя, хорошо запомни это. Потому что к твоему патрону я не питаю ни малейшего расположения.

Когда вещи были собраны, а костер погашен, тьма воцарилась такая непроглядная, что, не будь у них наскоро сооружённых факелов, которых вряд ли хватило надолго, Януш не разглядел бы даже своей спутницы.

– Вы хорошо знаете этот лес? – забираясь на своего коня, поинтересовался он.

– Не бойся. Мы недалеко от императорского дворца, скоро будем на месте.

Марион пустила своего коня шагом, стараясь держаться поближе к чужеземному лекарю. Тот, в свою очередь, тоже не отставал, понимая, что потеряться в тёмном лесу ему совсем не хочется.

– Давно ты работаешь у герцога, Януш?

– Уже шестой год.

– Всё время войны, – задумчиво констатировала Марион, и вдруг перехватила руку лекаря, державшую поводья. – Осторожней! Здесь поведу я, справа обрыв. Доверься мне, Януш.

Януш готов был довериться, даже если бы она вела его прямо в пропасть. Никогда не думал он, что его будут так привлекать сильные, независимые женщины, и, возможно, старше его самого.

– Очевидно, ты был совсем молод, когда поступил к нему

на службу. Нужен сильный протекторат, чтобы в таком возрасте попасть под патронат великого герцога Ликонта. Кто вас познакомил?

Если бы Марион не держала его за руку, ни за что бы не уловила, как вздрогнул молодой лекарь – крупно, всем телом. Она придержала коня, вглядываясь в спутника.

– Что-то не так?

– Если... вы не возражаете... я бы не хотел говорить об этом.

– Конечно. Прости, Януш.

Впереди уже показались первые огни императорского дворца, лес значительно поредел, переходя в ухоженный парк, когда Януш придержал коня.

– Я могу надеяться... простите, миледи, но... могу я надеяться на встречу?

Марион улыбнулась, качнула головой. Януш вглядывался в её лицо так напряжённо, что ей внезапно стало легко и весело. Никто из мужчин уже очень давно не смотрел на неё так – никто, даже Магнус, за долгие годы привыкнувший к обществу жены.

– Я люблю прогулки по этому лесу, – наконец сказала она, и едва подавила улыбку, когда доктор вспыхнул, пытаясь подавить облегчение и восторг. Это не обещание, но лучше, чем ничего. – Но я должна просить тебя об одолжении.

– Всё, что угодно, миледи!

– Не стоит упоминать о нашей встрече его светлости гер-

цогу Ликонту. Я могу рассчитывать на тебя, Януш?

– Я обещаю, я не обмолвлюсь ни словом... Вы можете быть уверены, миледи... Миледи! – Януш встревоженно глянул вначале на огни дворца, затем на неё. – Мне дозволено знать ваше имя? Вы не обязаны, но...

Марион улыбнулась, нагнулась, сжав холодные пальцы молодого лекаря.

– Должно быть, последние события уже облетели весь дворец, так что нет смысла утаивать что-либо. Ты всё равно догадаешься. Януш, сегодня ты сделал доброе дело, предложив свою помощь Синей баронессе Аверона, леди Марион. И даю слово, она запомнит этот день.

Януш стремительно шёл к покоям герцога, унимая сбившееся дыхание и пытаясь на ходу привести себя в порядок. Он даже одежды не сменил, направившись к патрону прямо от конюшен.

Эта женщина... удивительная, сильная... просто околдовала его. Даже сейчас, взволнованный, напряжённый, он то и дело вспоминал её глаза, сдержанную улыбку, голос...

Он переживал за герцога Ликонта не только как врач, обеспокоенный состоянием больного. Все эти годы, находясь рядом с ним, Януш переживал за его жизнь ничуть не меньше, чем за собственную. Потерять его, лишиться его протек-

тората означало для него риск вновь попасть в положение, выход из которого только один – бегство. И все связанные с ним проблемы, такие как непризнанность, отсутствие нужды в его услугах, и жалкое полунищенское существование какого-нибудь деревенского знахаря – всё это вновь свалится на его плечи. Честно говоря, Януш не чувствовал в себе ни моральных, ни физических сил бороться с очередными невзгодами, поэтому каждая царапина молодого генерала приводила его во внутренний трепет, страх потерять человека, который не только подарил ему билет в жизнь, но и стал, возможно, единственным его другом.

Перед самыми дверьми опочивальни Януш заметил то-ропливо покидавшего коридор лакея, и мимовольно задержал на нем взгляд. В отведенной им части дворца им прислуживали валлийские слуги, прибывшие вместе с ними из Галагата, от чужих лакеев и горничных Нестор отказался сразу же, мигом наведя привычный порядок на своей территории. Король Харитон знал, кого отправлять вместе со своими сыновьями. Никто лучше Нестора не защитит августейших Андоима с Орестом: генерал лично проверял всю охрану и прислугу, отбирая их в состав делегации.

Привыкнув видеть знакомые лица, Януш сразу распознал в ускользнувшем лакее чужака. Вот только гадать над тем, что понадобилось ему на валлийской территории дворца, лекарь не стал: он слишком спешил, чтобы забивать голову тревожными мыслями. Толкнув двери опочивальни его светло-

сти, доктор прошел мимо замерших у стены лакеев, тотчас захлопнув створки за собой.

– Януш! Как это понимать? Тебя битый час ищут, я разослал прислугу по всему дворцу...

– Прости, Нестор, – повинился молодой лекарь, торопливо скидывая плащ и умывая руки в серебряной миске у входа. – Я не думал, что понадобится сегодня, и решил потратить день на сборы местных трав. Что случилось?

Нестор откинулся обратно на подушки, заложив руки за голову. После поединка он отправился к себе в покои, но даже приведя себя в порядок, не смог избавиться от дурных мыслей. То, что он сделал, было неправильно. Нет, он сделал бы это ещё раз, попадись она ему, не удержался бы от искушения, когда она стояла так невозможно близко – но это всё неправильно. Её ненависть, бурлящая, но тщательно ею подавляемая, после позорного поединка, обесчестившего её как женщину и как воина, должна была прорваться наружу. Он сам вскрыл её нарыв, и теперь должен приготовиться к тому, что оттуда хлынет гной.

– Помнишь, – прикрыв глаза и блаженно вытягиваясь на одеяле, проговорил Нестор, – я рассказывал тебе о том, куда я пропал в нашем отступлении под Праттом...

– Ты убил главнокомандующего аверонским войском, – утвердительно ответил Януш, присаживаясь рядом с кроватью и встряхивая кистями рук.

– Верно. Там же случилась ещё одна встреча...

Януш провел ладонями над расслабленным телом герцога, пытаясь определить источник боли. Леди Марион оказалась права – ничего страшного он не наблюдал. Вот разве что эта царапина на лице почти пересекала шрам, и начавшая стягиваться кожа вновь раскрылась кровавой полосой...

– Ты рассказывал, – терпеливо сказал лекарь, доставая из сумки лечебные корешки. – Тебя заметил телохранитель командующего, и в ходе поединка оставил тебе прощальный подарок, – Януш коротко улыбнулся, кивая на шрам.

Нестор усмехнулся. За почти шесть лет он изучил своего лекаря достаточно, чтобы научиться доверять ему безоговорочно – как в плане здоровья и полученных ранений, так и в плане интуитивных догадок обедневшего дворянина. Януш был довольно молчалив, в разговорах стремился не участвовать, и, подолгу оставаясь рядом с патроном, мог видеть то, чего занятый делами герцог не замечал. Нестор быстро научился ценить его замечания, тихие, всегда ненавязчивые, и доверять его мнению. Со временем, постепенно и незаметно, их отношения переросли в крепкую дружбу.

Януш был дворянином, образованным, умным, талантливым, и не его вина, что у него так всё сложилось. Нестор знал, что молодой доктор сделает всё возможное и невозможное, чтобы сохранить ему жизнь, а сам герцог, как оказалось, тоже поспешил защитить его ещё в самом начале знакомства. На людях дружбу приходилось скрывать, но когда они оставались одни, герцогу чрезвычайно нравилась компания Яну-

ша, а в моменты, когда ему требовалось привести собственные мысли в порядок, доктор оказывался просто незаменим.

Было у Януша ещё одно ценное качество – он не боялся перечить властному герцогу. Он высказывал свои мысли достаточно мягко, но вместе с тем не стремился подсластить пилюлю или обезопасить себя от гнева патрона при неосторожном высказывании – просто говорил, как есть, не отговаривая от необдуманных действий, но удивительным образом открывая герцогу глаза на некоторые вещи, тонкие детали, которые мог заметить только очень проницательный наблюдатель.

– Я тогда не всё тебе рассказал, – медленно проговорил Ликонт. – Этот телохранитель... это была супруга покойного командующего. Леди Марион...

Януш вздрогнул, оборачиваясь на герцога. Патрон лежал с закрытыми глазами, и лекарь мог только порадоваться, что его реакция осталась незамеченной.

– Женщина? – сглотнув, зачем-то уточнил Януш.

– Нет, – неприязненно усмехнулся герцог. – Скорее, ведьма.

Януш тряхнул головой, приходя в себя.

– И? Как это объясняет то, что произошло с тобой сегодня?

– Сядь, – попросил Нестор, открывая глаза. – Я тебе расскажу.

Феодор осторожно шагнул к ближайшему столику, чтобы не оставлять чёрных следов за собой, положил на него красную розу и осторожно осмотрелся.

Он бывал в королевской опочивальне уже не первый раз. За дверью громыхали стражники, переговаривались лакеи, сновали горничные, но он выучил их расписание почти по секундно, и точно знал, в какое время следует прийти, и когда покинуть опочивальню принцессы Таиры.

За дверью раздались голоса, и Фео метнулся обратно к камину, нагнулся, забираясь внутрь, и подтянулся, исчезая в каминном проеме. Подтянувшись ещё раз, он ужом скользнул в боковой дымоотвод, замирая на месте. У него оставалось ещё два-три часа перед тем, как слуги начнут разжигать огонь в каминах, и тогда ему придется убраться отсюда. Но пока что...

Он выглядел сейчас, должно быть, куда хуже презираемых им трубочистов: сажей, копотью и пеплом пропитались, казалось, не только его одежда, кожа и волосы, но всё нутро его: легкие, желудок – всё наполнилось этой черной гадостью. Он приходил сюда уже почти неделю, каждый день или каждую ночь, чтобы оставить на её столике одну из красных роз, растущих в заповедных императорских садах. Ни один из влюбленных мужчин в мире не смог бы повторить его подвига! За одну только кражу розы из-под носа у вездесущих

садовников имперского розария грозило тюремное заключение, а уж то, как он выведал путь и пробирался в королевскую опочивальню... Виселица уже извела на него весь запас своих слёз, Фео знал это, но ничего не мог с собой поделать.

Это казалось почти игрой – тайком пробираться в соседнюю верхнюю опочивальню, занимаемую одной из особо приближенных придворных дам, спускаться по дымоходу, рискуя застрять в узких стенках, оставлять розу и – если повезет – дожидаться появления принцессы. Чтобы всего один раз взглянуть на неё, только взглянуть...

В этот раз ему, кажется, повезло. Он услышал бойкий цокот дамских каблучков и волну духов, донесших свой аромат даже в плотный пепельный воздух дымохода.

– Ваше высочество, так всё и было! – заливалась хохотом придворная дама, захлопывая за собой дверь. – Вот клянусь! Позор, бесчестие! Скажу вам, эта, с позволения сказать, леди... получила по заслугам. Если бы этикет допускал подобное поведение, я бы поблагодарила герцога Ликонта от всего сердца! Подумайте, ваше высочество: разве стал бы этот образованный, обходительный, очаровательный мужчина совершать такой поступок без веской на то причины? Скандал, ваше высочество, настоящий скандал! Я не осуждаю герцога, нет! Он обаятельный мужчина...

– Леди Августа, – прервал словесный поток звонкий девичий голосок. – Я уже наслышана об этом инциденте. Право же, за целую неделю можно было бы и забыть о нём.

– Забыть!..

– А вам и в самом деле нравится герцог Ликонт? – ловко перевела тему принцесса.

По шуршанию платья Фео понял, что Таира находится рядом с камином – так близко и так далеко.

– О! Ну, не то чтобы я решилась признаться в этом ему лично... Ваше высочество! Вы хотите походатайствовать за меня перед ним? О, ваше высочество, право же, я не думаю... хотя...

– Я не говорила ничего подобного, – цокот каблучков отдалился от камина, и Фео повёл носом, вдыхая последний аромат её духов. – Уверена, герцог в состоянии оценить твои достоинства и без моего вмешательства.

– О... ну...

– Если вы не возражаете, леди Августа, я бы хотела передохнуть перед сегодняшней церемонией.

– О, безусловно! Не каждый день делают предложение руки и сердца! А крон-принц такой красивый молодой человек, и такой обворожительный... Он вновь подарил вам красную розу? Это так романтично, ваше высочество! Так скромно и так... нежно! Вы – счастливица, ваше высочество! Я так рада за вас, так рада...

– Нет никакой уверенности в том, что эти розы от крон-принца, – смято ответила Таира. – А теперь, если не возражаете, я хотела бы побыть одна. Совсем одна, – уточнила принцесса, не дождавшись предполагаемого отбытия назой-

ливой придворной дамы.

– О, конечно, конечно! Но... если не крон-принц, то кто?.. Нет, вы счастливица, счастливица, ваше высочество! Если вам понадобится что-нибудь...

– Это всё, леди Августа.

Феодор дождался, пока захлопнется дверь, и осторожно высунулся из бокового дымохода, соскальзывая вниз. Он не мог уйти, так и не повидав её. Присев на корточки, он медленно выглянул из-за кладки.

Таира стояла посреди опочивальни, задумчиво глядя в окно. Красная роза, которую принцесса вертела в руках, уже успела завянуть за то время, пока он сумел протащить её сюда, но Таира не желала с ней расставаться. Взгляд серых глаз, задумчивый, грустный, менялся, когда она время от времени бросала взгляд на цветок. Нежные губы трогала трепетная улыбка, и лицо её светилось почти неземным светом. Бело-снежные волосы, хотя и собранные в строгий пучок, всё так же оживляли бледное, мраморное лицо. Она стояла там такая одинокая, такая потерянная. Среди множества шпионящих за ней придворных, среди фальшивых улыбок и дворцовых интриг она казалась хрупким цветком, который пытался выжить в непогоду.

Феодору так хотелось коснуться её, заговорить, да что там – в самых дерзких мечтах он представлял, как сжимает её в объятиях и покрывает поцелуями это точёное, совершенное лицо, эти волосы, гладкую, нежную кожу...

И больше всего на свете не хотел он, чтобы чужие губы касались его принцессы. Так не хотел, что порой сам страшился собственных чёрных мыслей.

Таира отложила цветок в сторону, дёрнула за шнурок, вызывая прислугу. Одеваться и раздеваться принцессе помогали придворные дамы под руководством опытной камеристки, так должно было случиться и на этот раз.

Феодор затаил дыхание, глядя, как, не дожидаясь появления женщин, принцесса нетерпеливо скинула с плеч шаль и дёрнула шнуровку корсета...

Вечер начался пышно. Очередной бал в этот раз был приурочен ко дню рождения крон-принца Аверона, будущего императора Таира. Коронация должна была состояться в течение ближайших месяцев, чтобы Авероном мог править мужчина. Северина достойно подготовила наследника, сам Нестор Ликонт признавал это: Таир производил впечатление дальновидного, расчётливого и трезвомыслящего политика, и в то же время, подобно сестре, он был не лишён того тонкого обаяния, которое так нравилось народу. Нестор мог только порадоваться, что у него есть шанс изучить будущего императора и, возможно, наладить первый контакт.

Крон-принц Андоим воспользовался временной передышкой между танцами, пригласив принцессу Таиру осве-

житься, и обе августейшие особы скрылись на веранде. Это вызвало шквал возбуждённых голосов в бальном зале: должно быть, сейчас состоится важный для двух держав разговор.

Императрица Северина не скрывала удовлетворения на холёном, надменном лице. Партия близилась к завершению, направляемая её рукой. Не раз и не два со сдержанной улыбкой обращалась она к принцу Оресту и герцогу Ликонту, находившимся, согласно этикету, подле её трона, одобрительно смотрела на неприкрытый флирт Нивелийской леди Августы, направленный на валлийского генерала. Сам Нестор терпеливо скрывал раздражение от такого назойливого внимания, но это не мешало ему раздаривать улыбки направо и налево, безошибочно определив, что от его поведения с настойчивой дамочкой зависит его репутация во дворцовых кругах Аверона.

Синяя баронесса тоже была здесь. Чуть позади трона, почти рядом со стражей, достаточно близко, чтобы слышать обращение императрицы, но достаточно далеко, чтобы не находиться в круге приближенных благородных особ. Как и прежде, с ней никто не заговаривал, не делился сплетнями, не приглашал на танец. Она стояла во главе бального зала, среди толп наряженных придворных и гостей, но казалась более одинокой, чем если бы вышла на поле боя одна против целой армии противника.

Нестор бросал на неё мимолетные взгляды, стараясь, чтобы этого не заметила прилипнувшая к нему леди Августа, и

с каждым разом всё больше убеждался: он ничего не сумел сделать, чтобы лишить её колдовских чар. Проклятая ведьма оставалась по-прежнему хороша.

Стараниями камеристки чёрные волосы были уложены так, что, как ни приглядывался Ликонт, он не мог увидеть нанесённых повреждений. Сапфировые камни блестели в чёрных прядях, и синее с золотом платье облегалo крепкую фигуру, выгодно подчёркивая все её женские достоинства. Взгляд то и дело останавливался на белой шее, которую обхватывало сапфировое кольцо, на высокой груди, выразительно очерченных губах...

А её взгляд! Во имя Единого, многое отдал бы Ликонт, чтобы заполучить такой взгляд – слегка насмешливый, чуть высокомерный, и в то же время бесконечно понимающий – немногие обладали бы подобной выдержкой после пережитого позора. Она держалась превосходно! Под косыми взглядами придворных, под ядовитыми фразами, под ехидными смешками со стороны. О Единый, как она держалась...

Он жаждал видеть её уязвленной, раненой, больной, униженной, предпочитал испытывать к ней презрение, жалость – что угодно, только не то, что то и дело возвращало его взгляд к ней. Да, он победил в первом раунде, но война продолжалась, и, похоже, баронесса не спешила выкидывать белый флаг.

– Скажите, герцог, – Нестор улыбнулся, почтительно склоняясь перед императрицей, – правду говорят о вашем

поединке с леди Марион? Вы и в самом деле настолько искусный воин?

– Генерал Нестор Ликонт – один из лучших фехтовальщиков Валлии, – улыбнулся принц Орест, поглядывая на друга. – Я слышан о мастерстве леди Марион, но в каждом поединке есть доля случая, не так ли?

Императрица нетерпеливо обернулась, но выискивать глазами верную помощницу не пришлось: Марион уже стояла по левую руку Северины, в той же неизменной позе, одна рука поверх другой, сжимающей дамский веер как рукоять одноручного меча.

– Баронесса, – обратилась к ней императрица, – ведь поединок носил дружеский характер, не так ли?

– Генерал Ликонт пожелал проверить, способен ли он ещё на рыцарские подвиги, или ему следует навсегда попрощаться с былой славой и ограничиться бумажной работой, – с тенью иронии отвечала Синяя баронесса.

Нестора не обманула легкая полуулыбка на её губах: взгляд тёмных глаз оставался ледяным. Мысленно он уже давно вцепился ей в горло и выжал всю жизнь, по капле, из проклятого тела, вырвал сердце из груди, позволяя ей безжизненно рухнуть в пыль, – в жизни герцог лишь обворожительно улыбнулся в ответ.

– И? – с восторгом заглянула ему в лицо леди Августа, почти прилипнув к его руке.

– К сожалению, – улыбаясь широко и непринуждённо, от-

ветил Нестор, – или к счастью, мастерство камеристки баронессы таково, что нет никакой возможности увидеть результат проверки.

Леди Августа с готовностью захохотала, обмахиваясь веером и бросая призывные взгляды на статного герцога. Она уже давно пресекла попытки других дам заманить Ликонта в свои сети, ясно дав понять, кому приглянулся валлийский генерал. Остерегаясь чёрного языка Августы и её высокого положения при дворе, придворные дамы решили не лезть на рожон и обойтись малым – вниманием герцога во время званных обедов и ужинов.

– Вы сделали это нарочно, герцог? – чуть приподняла бровь императрица, и вцепившиеся в подлокотники кисти рук побелели. – В самом деле?

Нестор почтительно склонил голову: мстительность Северины давно стала притчей во языцех среди аверонской и валлийской знати. Леди Марион, кем бы она ни была и как бы к ней не относились при дворе, императрица считала почти своей собственностью, а непочтительное обращение с собственностью – это уже личное дело Северины.

– Как уже сказал его высочество принц Орест, в каждом поединке есть доля случая, – примирительно проговорил он, отмечая, как презрительно поджались при этом губы Синей баронессы. – Знаю, что Аверон склонен считать Валлию варварской страной, но, право же, ваше величество, я счел бы подобное поведение для себя недопустимым.

– Значит, дело случая, – усмехнулась Северина, и взгляд её немного потеплел. – Так, герцог?

– Совершенно верно.

– Леди Марион? – императрица чуть повернулась к своей помощнице.

– Если генерал так говорит, значит, так и есть, – ровно ответила Марион, не отрывая глаз от Ликонта.

– Прекрасно! – Северина выпрямилась, и глаза её победно сверкнули. – Значит, это можно счесть лишь эпизодом, верно? Дело случая, дружеский поединок неугомонных полевых рыцарей, – императрица сдержанно улыбнулась, довольная тем, как ей удалось выставить ситуацию.

– Совершенно верно, – повторил Нестор, весь монолог не сводивший глаз с Марион. – В подтверждение этого я прошу у леди Марион оказать мне честь, – герцог раскрыл ладонь, протягивая руку Синей баронессе. – Дружеский танец. Леди Марион?

Августа выдавила нервный смешок, злобно сверкнув глазами. Принц Орест ухмыльнулся, посмотрев на друга, и в свою очередь предложил руку Нивелийской леди, увлекая польщённую таким вниманием Августу в центр зала.

Марион молча протянула руку навстречу протянутой ладони герцога. На такое открытое предложение, на глазах у половины зала, под настойчивым взглядом императрицы Северины она просто не могла ответить отказом.

Насмешливые синие глаза Нестора смотрели на неё, по-

чти ошупывали, контролировали каждое движение, изучали каждую черту – проницательный генерал никогда не совершал необдуманных поступков. Быть может, просчитался один только этот раз...

И она вложила свою кисть в его ладонь.

Небеса не разверзлись у них над головами, гром не грянул, ночь не стала днём – но генерал Нестор Ликонт шел бок о бок с Синей баронессой Марион, и держал её ладонь в своей руке.

Несколько шагов к центру зала – не расстояние, и целая пропасть, когда твой враг идёт рядом с тобой. Марион ощущала его звериную мощь, в каждом движении, каждом шаге, опасность, исходившую от сильного тела, видела насмешливый прищур синих, как море, внимательных глаз. Генерал Нестор Ликонт решил закрепить успех этим танцем, дать ей прочувствовать собственное поражение – но как же он ошибался, как ошибался этот самоуверенный мужлан, этот валлийский варвар!..

Марион коротко улыбнулась, разворачиваясь к нему лицом.

Нестор ощутил, как прохладная ладонь касается его плеча, медленно соскальзывает вниз, на предплечье, прочерчивая дорожку вдоль напрягшегося мускула. Он положил руку чуть ниже её лопатки, чувствуя, как играют сильные мышцы под гладкой кожей – и притянул к себе, прижал, не давая ей вывернуться, отстраниться; замер, вдыхая уже знакомый

аромат лесных трав – аромат её волос.

Зазвучала музыка; пары вокруг них начали медленные движения – и тогда лишь Нестор опустил левую руку, накрывая её пальцы своими. Дёрнул, приказывая её кисти подняться вместе с ним, сжал запястье, до боли проворачивая в своей руке.

Марион тихо выдохнула, не проронив ни звука – и это упрямое молчание, эта негибкость, эта ледяная выдержка окончательно вывели его из себя.

Он прижал её крепче, впиваясь пальцами в незащищённую кожу над корсетом, стиснул зажатую в другой руке посиневшую кисть. Как ему надоела эта непробиваемость, это непокорство! Неужели ведьма и в самом деле думает, что в силах тягаться с ним – тайным советником, одних из самых влиятельных людей Валлии, а теперь, возможно, и Аверона тоже? Кто она против него? Пустое место! Простолюдинка, возомнившая, что её когда-либо примут в высшем обществе. Теперь, без одурманенного её чарами мужа, без Синего барона – кто она? Верная помощница императрицы, её цепная псина... но Нестор прекрасно знал, что незаменимых людей не бывает. Сколько потребуется Синей баронессе, чтобы прийти к этому же пониманию? О, он ей поможет! Северина определенно благоволит ему, немного же усилий придется приложить, чтобы Марион навсегда изгнали со двора! Униженную, растоптанную, выброшенную за ненадобностью, как использованную половую тряпку... Прямая ей до-

рога в разбойничью шайку, на самое дно!

– Ненавижу...

Она всё-таки вздрогнула, не выдержав боли, подняла на него огромные тёмные глаза. Нестор начал движения, медленные, сдержанные, полные страстного и ненавистного ему желания. Эта опасная страсть погубит его, определённо, погубит. Нестор всегда считал себя здравомыслящим, даже холодным мужчиной, способным обуздать низменные порывы. До того самого памятного поединка, до овладевшего им безумия при виде рассыпавшихся по латам чёрных волос...

Проклятая женщина! Ведьма!..

Он дернул её на себя, уводя от столкновения с другой парой, закружил, резко, порывисто, заставляя её путаться в движениях, не успевая подстраиваться под неровный темп. Она едва не упала на него, качнувшись вперёд и почти прижимаясь виском к его подбородку.

– У тебя нет причин ненавидеть меня, – тихо произнесла Марион, пошатнувшись в танце. – Пока что нет. Генерал...

Нестор отпустил её – лишь на миг – заставляя войти в разворот, прокрутиться под его рукой. Никогда, никогда власть над женщиной не доставляла ему столько удовлетворения, столько мстительного удовольствия. Он мстил за собственную слабость, за отметину, оставленную её рукой, мстил в качестве предупреждения, забываясь всё больше от лесного запаха этой страшной и влекущей женщины.

– Но я помогу тебе, – снова шепнула Марион, и её пальцы

стиснули его плечо с наименьшей силой. – Клянусь, я помогу тебе увидеть мир моими глазами... Ты станешь дышать ненавистью, генерал, и харкать желчью...

Ему показалось, что рука её, впившаяся в предплечье, прокалывает его кожу, тонкой иглой забираясь под ткань камзола. Нестор вздрогнул, заглядывая в бездонные тёмные глаза, но не стал отстраняться. Наоборот, он закрутил женщину, уводя от других пар, всё крепче прижимая к себе. Воспользовавшись танцевальным движением, чуть опустил руку, сжимая пальцы на скрытой шнуровке корсета, дёрнул, едва не вырывая клоч материи.

Танец вновь повернул их к другим парам, и рука Ликонта вернулась под лопатку женщины.

– В чём дело, генерал? – чуть запыхавшись от дикого танца, спросила Марион. Губы ведьмы чуть изогнулись в победной улыбке, щеки разругались. – Разучились обращаться с дамами? После долгих лет войны уже не знаете, что делать, когда в объятиях настоящая живая женщина?

Нестор вспыхнул. Зоркая ведьма всё видела – и наверняка ощущала. Его желание, ненавистное, постыдное и подавляемое, его горячие ладони, бисеринки пота, выступившие на висках.

– Ты пожалеешь, – тихо пообещал он. – Ты тысячу раз пожалеешь... ты лишишься не только своих косм, ведьма, я лишу тебя всего...

– Волосы – это всего лишь волосы, генерал, – мягко улыб-

нулась Марион, и от этой победной улыбки, этого абсолютного принятия ситуации и полном отсутствии какого-либо сожаления об утраченном Нестор понял, что уже бесповоротно сходит с ума. – Они отрастут. А вот получится ли восстановить утраченное у вас – это вопрос...

Генерал хмыкнул: он терпеть не мог пустых угроз. Наивная, пустая простолюдинка, чем она может угрожать ему? Не в её силах пошатнуть его положение при дворе, не в её силах опозорить его – не было ничего, что могло бы опорочить герцога – и вряд ли она доберется до единственного человека, который ему дорог. Любимая сестрёнка спрятана так далеко, что даже будь у Марион легион в распоряжении и знай она, где искать, ей не взять горного монастыря приступом.

Но этот взгляд... победный взгляд... что же он упускал?.. – В чём дело, генерал? – Марион остановилась, пропуская танцующую пару мимо себя, заглянула ему в глаза. – Вам нехорошо?

И тут только Нестор с оторопью понял, что не может удерживать её, не может стиснуть в объятиях, как это было весь танец, не может даже пошевелить правой рукой – там, куда вонзились её ногти, до боли раздирая кожу. Значит, не показалось...

– Может, вам стоит выйти на свежий воздух? – Марион заботливо заглянула в стремительно бледнеющее лицо, поддерживала герцога под локоть, уводя с площадки.

Музыка остановилась, танцевавшие пары распались, ап-

плодируя друг другу, и их уход оказался не так незаметен. Их проводили шушуканием и долгими взглядами, и под ухмылки придворных они вышли на веранду, прошли мимо уединившихся парочек, уходя от огней дворцовой залы в роскошные императорские сады. Кое-где горели фонари, но в буйных зарослях диковинных цветочных кустов, то и дело образывавших уютные тупички, было почти темно. В один из тупиков, где стояли полукругом пустые скамейки, и завела пошатывавшегося Ликонта Синяя баронесса.

Марион быстро огляделась, и рывком развернула бледного, ослабевшего герцога лицом к себе.

– Ненависть, генерал – это когда теряют нечто очень важное! – прошипела она в белое, как мел, лицо. – Ненависть – это когда это самое важное нельзя вернуть... Ты и понятия не имеешь, что такое ненависть! Я мечтаю, что когда-нибудь, – Марион вцепилась двумя руками в его камзол, встряхнула безвольного, едва державшегося на ногах Ликонта, – когда-нибудь ты сгоришь в самом сердце преисподней! Когда-нибудь, Ликонт, мы встретимся там, и ты поймёшь, что такое ненависть!

Она отпустила его камзол и, подняв юбки, ударила ногой в живот. Ослабевший герцог рухнул наземь, распластавшись по ухоженному песку тропинки, и Марион ещё несколько бесконечно долгих мгновений смотрела на неподвижного генерала.

Затем развернулась и быстрым шагом, не обернувшись ни

разу, вернулась во дворец.

– Предполагается, что я должна ответить согласием.

– И всё же я надеюсь на большее. Я надеюсь заслужить вашу любовь, принцесса Таира.

Таира смотрела на склонившегося к её руке крон-принца Андоима, минуту назад сделавшего ей предложение – руки, сердца и всей Валлии. Мать ясно дала понять, какой ответ требуется, и Таира изо всех сил пыталась верить в то, что говорит.

– Вы красивый мужчина, – Таира несмело улыбнулась, глядя на выпрямившегося крон-принца, – будущий король. Этого достаточно, чтобы вызвать во мне симпатию. Когда я смогу узнать вас лучше, уверена... любовь придёт.

Андоим растянул губы в улыбке, не сводя глаз с белокурой наследницы аверонского престола. Девочка не вызывала в нем никаких чувств, кроме раздражения. Хотелось сорвать с неё весь этот налёт реннского двора, эту печать чопорного этикета, это лживое аверонское лицемерие, растоптать, бросить в грязь, видеть её унижение – вот чего заслуживает весь Аверон в целом, и она в частности, как его воплощение.

Но она так наивно ждала от него чего-то, так верила в эту свою эфемерную любовь, что ему захотелось поиграть с ней. Будет, о чем напоминать ей долгими супружескими ночами.

О, как стыдно ей будет за собственные сопливые мечты!..

— Я постараюсь доказать вам... в самое ближайшее время, что мои чувства к вам сильны... и вспыхнули с того самого дня, когда я только увидел вас... я романтик, ваше высочество... Если бы я только мог вам доказать... — Андоим схватил хрупкую кисть Таиры для пущей убедительности, прижал к своей щеке, — я бы дарил вам розы каждый день...

— Розы! — ладонь в его руках дрогнула, Таира вырвалась, глядя широко распахнутыми, доверчивыми глазами на крон-принца. — Так эти розы — от вас? Красные розы! Это были вы?

Андоим едва сдержался, чтобы не уставиться на неё в ответ. Какие розы? О чём она? Девчонке кто-то тайком дарил цветы? Какой позор! Малышка, должно быть, окончательно сошла с ума от бесконечных мыслей про их грядущую свадьбу.

— Красные розы, — медленно повторил крон-принц, неуверенно улыбаясь. — Я подумал, что вам нравятся красные розы. Я не хотел, чтобы вы догадались, от кого они.

— Так это были вы, — как замороженная, повторила Таира, и в этот момент серые глаза светились необыкновенным, неземным светом. — Я не... то есть... я не думала...

— У вас так много ухажеров? — неприятно усмехнулся Андоим.

— О, нет! Что вы! — принцесса вспыхнула, спохватилась, протянула руку ему навстречу. — Нет! Просто... я не дума-

ла... что вы такой... такой...

— Какой? — Андоим склонился ближе, положил руки на хрупкие плечи. — Такой?..

Маленькая глупая девчонка! Как она тянулась к нему, как ждала ласки! Что ж, он может подарить ей — всего один поцелуй, всего один, первый и последний, раз.

Таира закрыла глаза, подчиняясь опытным губам, доверчиво прижалась к будущему супругу. Она всё ещё сомневалась, отказываясь верить услышанному — но, быть может, Августа права? Если не крон-принц, то кто? Вот он, её тайный возлюбленный! Вот он, её судьба... и то, что чужие губы кажутся жёсткими и неприятными — лишь её вина, ведь она так неопытна... она привыкнет, она научится его любить. И это гложущее сомнение... ей надо вырвать его из своего сердца, и сразу станет легче...

Красные розы...

Возвращение Марион в зал осталось незамеченным. Все шумно праздновали возвращение крон-принца Андоима и принцессы Таиры, провозгласивших радостную весть. Гости и придворные салютовали, бурно приветствуя будущих короля и королеву Валлии, императрица Северина выглядела спокойной и довольной, будущий император, крон-принц Таир произносил торжественную речь.

Марион проскользнула между рядами пышно наряженных дам и господ, пробираясь к императорскому трону. Там, подле Северины, стоял слегка запыхавшийся от долгих танцев принц Орест, безуспешно выискивавший глазами своего друга. С приближением Синей баронессы принц заулыбался, вызвав завистливую гримасу на лице леди Августы, и с готовностью склонил голову, приветствуя подошедшую даму.

– Где же вы оставили нашего герцога, леди Марион? Я начинаю беспокоиться! Уж не пал ли он в неравной борьбе с вашими чарами?

– Ваше высочество, – Марион встревоженно поклонилась принцу, обернулась к императрице, – ваше величество! Мы вышли с герцогом освежиться в парк, и внезапно... я даже не успела его поддержать, ему стало нехорошо... я оставила его там, и побежала за подмогой! Самое ужасное... я видела, как по тропинке ползёт каракут!

– О Единый! – императрица даже приподнялась на троне. – Укус этого паука может быть смертелен! Вы уверены?..

– Боюсь, что так, – Марион беспомощно развела руками. – Нужно поспешить, пока его светлости не стало хуже!

– Сэр Дейл, – принц Орест сделал короткое движение рукой, призывая одного из валлийских старших офицеров, – возьмите подмогу и следуйте за леди Марион! Его светлости герцогу Ликонту плохо, нужна помощь!

– Генералу? – ошарашено уточнил офицер. На его памяти Нестор Ликонт ни разу даже не чихнул, а уж он служил у

молодого генерала под боком все годы войны. – То есть... так точно, ваше высочество!

Сэр Дейл махнул младшим офицерам, и притихшие гости проводили их военную делегацию бурными обеспокоенными возгласами и красноречивыми взглядами. Сплетни обрастали подробностями уже сейчас, хотя никто не знал, что произошло.

– Сюда, – леди Марион шла быстрым твёрдым шагом, и придворные расступались у неё на пути, избегая смотреть в глаза: слухи о Синей баронессе витали нелестные, от самых страшных до самых омерзительных, и путаться у неё под ногами не решался никто. Быть может, позже, когда её не будет поблизости, когда её влияние на императрицу ослабнет, и она станет чуть слабее, чуть уязвимее... О, они будут рядом, они будут готовы, чтобы разорвать в клочья легендарную женщину-воина, леди-рыцаря... и всего лишь простолюдинку...

В сад выбежало едва ли не пол-зала; каждый стремился увидеть первым невероятное зрелище: дворцовая жизнь так скучна, что такие крупные события, как неприятность с валлийским генералом, надолго повиснет на языках самых отъявленных придворных сплетников и сплетниц. Возможно, длительность этих бесконечных пересказов побьёт недавний позор, приключившийся с самой Марион.

Обо всём этом Синяя баронесса думала холодно и отстранённо, как размышляют о чём-то неважном, но, увы, неиз-

бежном. Нестор Ликонт лежал там же, где она его оставила: бесчувственный, неподвижный. Было так странно видеть его таким – это крупное, сильное тело, распростёртое на песчаной тропе, это побледневшее волевое лицо, почти прозрачное, но по-прежнему спокойное, отстранённо-равнодушное. Почти то же, лишь насмешки не хватало в прищуренных синих глазах...

Нет, ещё рано судить о грядущем. Ещё слишком рано, но время всё идёт, идёт... уменьшая шансы светлого герцога на жизнь, увеличивая её шанс на победу.

– Генерал! Генерал! – припавший рядом с Нестором сэр Дейл повернул его голову к себе, вздрогнул, увидев в свете фонарей посиневшие губы. – Сюда! Помогите мне!

Леди Марион посторонилась, пропуская валлийских офицеров к телу генерала. Молча смотрела, как его поднимают, как сэр Дейл разгоняет столпившихся у скамеек любопытных гостей, и как всесильного Нестора Ликонта уносят на руках, точно ребёнка – подальше от глаз и ушей придворного воронья...

Януш сидел в кресле, откинув голову на мягкую спинку. В руках доктор держал толстый фолиант по медицине, раздобытый во дворцовой библиотеке: ради него сделали исключение, позволив отобрать с собой книги для чтения. Немало

способствовала этому особая настойка из валлийских лесов, которую лекарь преподнёс пожилому лакею-библиотекарю — она помогала снять спазмы в желудке. С тех пор Янушу были всегда рады во дворце — вести среди прислуги разносились быстро; не раз и не два тайком просили его помощи горничные и лакеи, прибегая к услугам заезжего лекаря. Платы Януш не брал, но слуги всегда находили способ, чтобы отблагодарить доктора.

Нестор велел дожидаться его с бала, и Януш ничего не имел против: в последнее время его слишком часто мучила бессонница, и провести остаток ночи за беседой с патроном было куда интереснее, чем коротать время в тишине собственных покоев.

Он держал книгу открытой, но едва смог прочесть главу: мысли возвращались к недавнему разговору с Ликонтом. Нестор был настроен решительно: у Синей баронессы не оставалось шансов против влиятельного герцога. Тайный советник короля Харитона обладал связями, которые наверняка и не снились леди Марион, и даже императрица Северина, похоже, прониклась к нему симпатией. Нестор собирался сыграть красивую партию, и вряд ли у леди Марион найдутся силы ответить ему.

Януш не хотел этой войны. Первая женщина, вызвавшая в нём такие чувства, не заслуживала мстительного удовольствия его патрона. Он готов был сделать всё, что в его силах, чтобы уговорить Нестора свести противостояние на нет.

Но и ненависть леди Марион к генералу Ликонту тревожила лекаря ничуть не меньше: пусть баронесса не имела таких связей, как герцог, и не обладала подобным влиянием, но годы службы у императрицы наверняка научили её, как устранять врагов самыми различными способами. Януш уже ознакомился, работая на Ликонта, с многочисленными случаями отравлений ядами, с наемными убийцами, подстроеными несчастными случаями и даже зажжённым порохом в рабочем кабинете. Нет, он совсем не хотел, чтобы с Нестором случилось что-либо подобное.

Он поговорит и с ней тоже. Попробует объяснить, что эта чёрная ненависть погубит их обоих, что следует простить, забыть, жить, хотя бы игнорируя друг друга, просто жить – ведь именно этому учит Единый...

Двери распахнулись, ударяясь о стены, и задумавшийся лекарь подскочил в кресле, захлопывая книгу. Ворвавшиеся в покои офицеры внесли бесчувственного герцога внутрь, укладывая его на кровати, и Януш тотчас метнулся к Нестору, хватая его за запястье, нащупывая неровный пульс.

– Выйти, всем выйти! – махнул офицерам сэр Дейл, расширившимися глазами глядя то на бледного генерала, то на склонившегося над ним лекаря.

Принц Орест был последним, кто проскользнул в покои. Двери захлопнулись, оставляя перепуганного офицера, взволнованного принца и собранного, но побледневшего доктора внутри.

– Капитан, помогите мне.

Дейл метнулся к ложу, выжидательно глянул на лекаря. Януш не задавал лишних вопросов, и это радовало: готовность и абсолютная выдержка были именно тем, что могло спасти Ликонту жизнь.

– Нужно его раздеть. Быстро.

– Я помогу, – вызвался принц Орест, приступая к герцогу с другой стороны.

– Ваше высочество, – пропустил его Януш.

Он быстро подошёл к серебряной миске с водой, умыл руки, приступая обратно к распростёртому на ложе патрону.

– Что произошло?

– Они танцевали... с леди Марион, затем вышли в сад... – сбивчиво принялся пояснять принц.

– Его укусил каракут, – быстро вставил капитан Дейл, проясняя обстановку. Как человек военный, он сразу расставил приоритеты: подробности подождут.

– Так сказала леди Марион, – подтвердил Орест.

Януш вздрогнул, отрывая взгляд от иссиня-чёрной правой кисти Нестора, посмотрел на принца.

– В самом деле? – тихо спросил он. – Она так сказала?.. Капитан, принесите чёрную сумку из моих покоев, – не дожидаясь ответа, переключился лекарь. – Только быстро.

Сэр Дейл вылетел из опочивальни, хлопнув дверьми. В коридоре Орест заметил приставленную охрану из валлийских офицеров – мудрый поступок со стороны капитана,

учитывая желающих полюбопытствовать, насколько плохи дела у герцога.

– Что с ним? – поинтересовался Орест, кивая на друга.

Януш провёл несколько раз ладонями по лицу молодого генерала, по груди, вызывая вначале судорожные сокращения мышц, а затем самый настоящий озноб, принявший терзать могучее тело. Нестор вздрогнул, застонал, распахивая невидящие глаза и тотчас закрывая их. Януш перехватил правое запястье герцога, хлопнул по щеке. Принц широко раскрытыми глазами наблюдал за жестокими волнами, накрывавшими вспотевшее тело генерала, пытаясь подавить в себе суеверный страх от действий лекаря.

– Нестор, – позвал Януш, удерживая его руку. – Нестор!

Герцог застонал, поворачивая голову к лекарю, но глаз открыть не смог. Из горла вырвался сдавленный хрип, и Януш рывком поднял обессилевшего мужчину, почти усаживая на кровати.

Нестора вывернуло, и принц Орест, хотя и находился по другую сторону кровати, шагнул назад, тотчас споткнувшись о кресло. Августейший сел, едва не промахнувшись мимо сидения, и сглотнул, когда Януш вытер губы Нестора, осторожно укладывая его обратно на подушки.

– Что с ним? – хрипло повторил принц.

– Плохо.

Переспрашивать принц не стал: лекарь выглядел сосредоточенным, напряжённым, даже мрачным. Януш перетянул

бечёвкой правую руку герцога чуть пониже локтя, положил ладонь на горячий лоб. Нестор метался на подушках, и такая резкая перемена – от полного бессилия обездвиженного тела до самой настоящей агонии, охватившей, казалось, всё его существо – непременно привела принца в ужас, если бы лекарь вовремя его не отвлёк.

– Ваше высочество, – негромко позвал Януш, – на століке, в кувшине, вода. Прошу вас...

Орест кивнул, подорвался, хватая кувшин, протянул его лекарю.

Януш протянул руку с тряпицей под струю воды, выжал, поднося к пересохшим губам герцога – и почти тотчас отдёргнул её, разглядывая кусок ткани на свет.

– В чём дело? – принц встревоженно переводил взгляд с покрытого испариной Ликонта на нахмурившегося лекаря. – В чём дело, Януш?

Лекрь тихо выдохнул, удерживая тряпицу в дрогнувшей руке.

– Это... плохая вода, ваше высочество. Нужна свежая.

– Я сейчас! Велю принести!

– И кипяток... – добавил лекарь, не глядя на принца.

Орест размашисто шагнул к двери, и Януш поспешно отшвырнул тряпицу, выливая отравленную воду из кувшина в помойное ведро. Руки он ополоснул в чистой воде, с силой протирая сухим полотенцем. Принцу незачем знать правду. Януш мог только предполагать, что подсыпал в воду незна-

комый лакей, которого он встретил в покоях накануне. Яд не имел запаха и, должно быть, вкуса тоже, но в свете свечей менял цвет воды. Доктор не стал спорить с собственной совестью, сложив два и два – похоже, Нестору просто не оставляли шансов выжить. Только что он сам, собственными руками едва не убил патрона.

Марион, Марион...

– Януш...

– Я здесь, Нестор.

– Я-я...

– Нестор, – Януш склонился к самому уху обессиленного от агонии герцога, крепко сжал почерневшие пальцы, – Нестор, я должен сделать это, иначе ты умрешь. Очень мало времени... заражение убьёт тебя. Я должен. Просто... постарайся принять это. Я должен.

– Что с ним? Что с его рукой? – перепуганно спросил подошедший принц, разглядывая иссиня-чёрную, распухшую, фиолетовую кисть герцога.

– Влажная гангрена, – отрывисто ответил Януш, вытирая пот со лба впавшего в забытё герцога. – Придется ампутировать.

Орест хватанул ртом воздух, шагнул назад, оседая в кресло: враз ослабшие ноги перестали держать. Двери в покои распахнулись, пропуская сэра Дейла с чёрной лекарской сумкой в руках, и следом за ним – валлийских лакеев, принесших воду, чистые тряпки и кипятилок.

– Свободны, – нетерпеливо отмахнулся от них капитан, оборачиваясь к Янушу. – Что вы делаете?

Януш молча достал инструменты, окуная их в кипяток, выложил на чистую ткань. Не отвечая Дейлу, достал из сумки пузырек и смочил губку, поднося её к носу герцога.

– Что это? – продолжал допытываться капитан. От зорких глаз военного не скрылись ни распухшая кисть генерала, ни приготовления доктора. – Вы... хотите...

– Да, – жёстко ответил Януш, и капитан разом умолк. – И вы мне поможете.

Сэр Дейл больше не задавал вопросов. По приказу лекаря он вымыл руки и скинул камзол, приступив к ложу генерала и положив ладони ему на плечи. Януш закатал рукава, взяв в руки небольшой медицинский нож, сделал несколько быстрых надрезов на предплечье герцога, обложил руку тканью.

– Ваше высочество, вы можете выйти, – предложил Януш, доставая медицинский напильник.

Орест очнулся и мотнул головой, вслед за капитаном скидывая мундир и закатывая рукава.

– Я останусь, – твёрдо заявил принц, становясь у изголовья кровати. – Вам может понадобиться моя помощь.

Флорика вытянула руку, любуясь золотым браслетом леди Августы, пихнула брата под бок, ожидая реакции. Феодор

недовольно пошевелился, разглядывая свою драгоценность – драгоценное кольцо из редчайших камней горных шахт Валлии.

– Януш его зовут, – мечтательно продолжила сестра. – Красивый такой, зеленоглазый...

– Януш, значит, – мрачно ответил близнец. – И чаво этот Януш, предложил с ним прокатиться?

– Нет, – вздохнула Флорика, проигнорировав собравшиеся в комнате тучи. – Не предложил. Даже имени не спросил, мерзавец! Я уже выведала у слуг, где его покои – ну там, на валлийской стороне, аверонские господа туда не заходят, брезгуют, значит, ну а я ничаво, полюбопытствовала...

– Чо?!

– А чо? Я ж говорю тебе, дурья башка – ну красивый он...

Фео едва удержался, чтоб не сплунуть. На его памяти сестрица впервые такую околесицу несла, и ведь с такой рожей-то серьёзной, смотреть гадко! А ну как и вправду околдовал её Януш этот?

– Лекарь он, говоришь?

– Да-да, – оживилась Флорика. – Слуги говорили, будто добрый, в помощи черни не отказывает, хотя самого герцога врачует! Подглядела я, значитца, за ним – ну как картинка, до чего ладный! Ну то есть к чему это я? Мысль у меня образовалась – больной сказаться, да к нему обратиться... А што? Горничная вона нивелийская так и сделала – да только раскусил её лекарь заезжий, говорит, ничо я у вас не вижу

сурьёзного, идите, мол, воздухом свежим подышите, авось полегчает, а мне с вами делать неча... Ну так я не горничная пустоголовая, я к нему с взаправдишной раной приду! Руку вона обварю кипяточком, всего делов. Што мне, руки ради него жалко? Свежее платье одену, духи у леди Марион стащу, набрызгаюсь... как думаешь?

– Думаю, – глухо прорычал Феодор, вскакивая с кровати, – что последние мозги ты растеряла! Где это видано, за мужиками, да ещё за валлийцами, бегать! Сдурела ты?!

– Сам-то хорош, – вспыхнула Флорика, усаживаясь на братской постели, – за принцессой своей волочишься, слюни подбираешь. Ты поджариться в камине ради её высочества не боишься, а мне указывать вздумал? Я ить не на принца нацелилась, на дохтора! И посимпатичней Януш принцев всех, вместе взятых! Ты ж не видел его ни разу, Фео! Красивый такой, и глаза добрые, светом так и лучатся... а какая улыбка у него, какая улыбка, Фео! Ой, да тебе такую никогда и изобразить-то не удастся, хоч всю жисть перед зеркалом простой!

Феодор с оторопью посмотрел на горящую праведным гневом сестру, стиснувшую кулаки, выдохнул воздух через сцепленные зубы, и медленно опустился на табуретку.

– Будь проклят тот день, когда мы прибыли в Ренну, – тихо пробормотал он.

– Да ладно тебе, – мигом пришла в себя Флорика. – В замке Синих баронов ты бы такой красоты не встретил... не жа-

лей, Фео... а с бусами чо делать-то будешь? – кивнула на драгоценность Флорика, которую Феодор по-прежнему сжимал в руках.

– Таире отдам, – глухо выдавил Фео. – Пусть это будет ей моим последним подарком.

Лихорадка оставила обессиленное тело лишь спустя сутки. Нестор метался в бреду, выкрикивал ругательства, проклинал и угрожал, не приходя в себя.

Януш слушал.

Немногим мог он помочь патрону – теперь всё зависело лишь от него самого. Лекарь менял повязки, пытался унять жар, снять боль, но бороться с воспалением герцогу пришлось самому. Заражение удалось остановить, но Нестор лишился правой руки, и Януш и представить себе не мог, как отреагирует молодой генерал на подобное известие. Бывший лучший фехтовальщик Валлии, не признававший другого оружия, кроме верного двуручника – как ему жить, зная, что отныне о турнирах и битвах придется забыть? Повесить уже бесполезный двуручный меч на стену, чтобы никогда больше не вспоминать о нём?

Это было жестоко, и Януш не мог не признать этого. Это было бесконечно жестоко с её стороны, цинично и равнодушно – то, как она выставила это, то, как она шла к сво-

ей цели. Весь дворец теперь представлял собой сплошную опасность, и в каждом незнакомом лице Януш видел теперь наёмного убийцу или отравителя.

Воду и пищу Януш проверял лично, не покидал покоев герцога ни на минуту, не доверяя даже валлийским офицерам, несшим по приказу капитана Дейла круглосуточную вахту у дверей.

Принц Орест заходил несколько раз, смотрел на друга со смесью страха и неуверенности, но в конце концов уступил просьбе лекаря и согласился ждать, пока герцог не придёт себя, и не тревожить больного попусту.

Крон-принц Андоим не зашел к тайному советнику своего отца ни разу. Януш был особенно рад этому, теперь, когда Нестор не мог защитить его от пристального внимания августейшей особы, но и не мог не признать, что исходила подобная неучтивость от крайней неприязни, которую крон-принц даже не потрудился скрыть. Пожалуй, Андоим был единственным, на кого не распространялось влияние герцога: с момента вхождения его на престол положение Ликонта при дворе могло пошатнуться.

Боль ампутированной конечности была настолько сильна, что Януш и не пытался снять её полностью. Что-то он мог взять на себя, но с остальным герцогу приходилось бороться самому. Лихорадка отпустила его, и Нестор лишь стонал время от времени, продолжая бормотать невнятные угрозы.

Януш промокнул выступившую испарину на лбу генера-

ла, пересел обратно в кресло, положив руку на отложенный трактат о явлениях природы. Чтение не давалось ему и на этот раз: Януш старался не сводить глаз с друга, отмечая стадии его выздоровления.

Нестор поправится – он уже не сомневался в этом. За прошедшие сутки друг мог сгореть от лихорадки, заражение могло подняться выше, попасть в кровь – но этого не произошло, и мало-помалу Нестор отвоёвывал у смерти право на жизнь. Он боролся с таким звериным упорством, порываясь встать на ноги, рыча, сходя с ума от боли и бешенства, что Януш был почти уверен – к вечеру патрон придет в себя. Неплохо, учитывая, что зачастую в подобных случаях люди погибали, не доживая до ампутации.

Януш сокрушённо покачал головой: леди Марион недооценила герцога, его здоровье и его злость. Нестор Ликонт не умел сдаваться и проигрывать. Доктор даже думать не хотел, что их ждет с его пробуждением.

– Януш...

– Я здесь, Нестор.

Лекарь опустился подле ложа, перехватил ищущие пальцы герцога.

– Такая... боль... что... с моей рукой?.. – голос Нестора был почти неслышным, как сухой шелест веток в имперском лесу.

Януш сглотнул, глядя, как дрогнули веки генерала.

– Прости меня, Нестор, – заговорил он, прижимая их

сцепленные руки ко лбу. – Прости, я не смог... Так было нужно. Ты жив, и это главное. Это главное...

Левая рука дёрнулась в его ладонях, Ликонт распахнул глаза, вздрогнув всем телом.

– Прощу тебя, лежи, – лекарь положил руки на плечи герцога, пытаясь удержать его на месте. – Тебе нельзя вставать, отдохни хотя бы до заката. Нестор!

Нестор зарычал, упираясь единственной рукой, подтянувшись, правым локтем отпихивая доктора, и тотчас вскрикнул от боли.

– Януш!!!

Лекарь ухватил его за плечо, пытаясь уложить обратно, но герцог всё ещё боролся, не желая закрывать воспалённые, горящие глаза.

– Что ты сделал с моей рукой?! Убью, я убью тебя за это!!!

– Ты бы умер, не сделай я этого! – попытался образумить друга Януш, беспомощно озираясь на двери.

Сэр Дейл заходил утром, но большую часть времени проводил рядом с крон-принцем, оставшись теперь последним боеспособным телохранителем наследника Валлии. Януш понимал, что раньше вечера капитана ждать не стоит, но его помощь не помешала бы здесь и сейчас, ведь удержать тяжёлого, буйного, сильного, несмотря на значительную потерю крови и перенесённую лихорадку, молодого генерала доктору оказалось не под силу.

– Ведьма, проклятая ведьма!!! Это её рук дело, Януш! Это

она... шлюха, паршивая шлюха!

Януш вздрогнул, отпуская генерала. Всегда державшего себя в руках, прекрасно владевшего собственными эмоциями и не допускавшего ни единого бранного слова в своем присутствии герцога словно подменили. Болезнь стирает все мыслимые и немыслимые границы, похищает надежду, сжигает веру – уничтожает всё, что есть светлого в человеке. Он прекрасно это знал, видел каждый раз, когда тяжело больной умирал у него на руках – но совершенно не хотел слушать всё это сейчас.

Герцог уже почти выбрался из-под вороха пропитавшихся его болезненным потом покрывал, когда Януш смочил тряпицу в растворе, поднося её к носу друга. Ликонт вдохнул, раз, другой, попытался отпихнуть доктора и не смог, бесильно падая на подушки.

– Я найду её... слышишь?! – невнятно продолжал Нестор, борясь с дурманом, то закрывая, то открывая потемневшие глаза. – Я найду её! Сейчас же! Ты!!! Ты... моя рука...

– Я знаю, – мягко проговорил Януш, вытирая липкий пот с побледневшего лба герцога, – я всё знаю. Спи, тебе надо набраться сил.

– Моя рука... сволочь... грязная сволочь... моя... рука... моя... Марион...

– Тебе нельзя волноваться, – Януш протёр влажной тряпичей пересохшие губы друга, влил несколько капель, – не сейчас. Отдохни.

Нестор застонал, тяжело, с надрывом, и Януш догадался, что означал этот стон: молодой генерал, уже падая в забвенье, понял окончательно и бесповоротно, чего лишился. И этот стон, стон раненого зверя – как звон колокола, прощание, принятие и осознание – останется в его памяти на всю жизнь.

– Она заплатит... – прошептал Ликонт, уже не открывая глаз. – Всем, что... у неё есть... Больно... как же... больно.... Верь мне, Януш... эта ведьма... заплатит...

Лекарь присел рядом, положив ладони на изувеченную руку патрона. Друг медленно впадал в наркотический сон, продолжая неслышно шевелить губами, и Януш сосредоточился, пытаясь снять разбуженную резкими движениями боль.

– Я тебе верю, Нестор. Я тебе верю.

Таира прислонилась спиной к закрытым дверям, прикрыла глаза, пытаясь унять бьющееся в груди сердце. Разговор с матерью о грядущей свадьбе дался ей с трудом. Северина была как никогда лаконична и непреклонна; каждый момент церемонии проговаривался вновь и вновь, а во время перерывов императрица заводила разговор по душам о долге любой королевы – рождении наследника мужского пола.

– Пока не родишь сына, ты не вправе называться королевой, – жёстко говорила Северина. – Это твой долг, Таира, и

пока ты его не выполнишь, ты никто. За твоей спиной будут сплетничать придворные, народ Валлии не признает своей королевой, а муж в конце концов начнёт презирать за то, что ты не в состоянии исполнить свою женскую роль. Не надо переживать, дочь. Я смогла, ты сможешь тоже, ничего сложного в этом нет. Это первое, о чём ты обязана позаботиться, ведь именно рождение общего наследника укрепит наш мир с Валлией.

– Вы уверены, мама, что валлийцы хотят мира? – тихо спрашивала Таира. – Когда я смотрю на них, мне кажется, будто их доспехи пропитаны кровью наших воинов, а оружие всегда наготове...

– Откуда такие мысли? Избавься от них, Таира! Не забывай себе голову, это не твоя забота. С рождением сына у тебя появится столько обязанностей, что у тебя не останется времени на подобную чепуху. Должно пройти время. Для решения этих проблем есть твой брат, император Таир, и твой будущий муж, король Андоим. Надеюсь, мир продлится достаточно долго, чтобы тебе не нужно было заниматься тем, что тебе не положено делать. А теперь повтори мне слова заключительной клятвы у алтаря...

Таира прижала ладони к вискам, шумно выдохнула, открывая глаза. Столик у окна – первое, куда падал её взгляд, как только она добиралась до опочивальни днём, и первое, на что она смотрела утром, едва проснувшись после наполненной страхами ночи. Тайный возлюбленный исправно прино-

сил розы все эти дни, что валлийцы гостили во дворце. Это была её тайна, её секрет, её загадка – проводить день в раздумьях, кто же мог пробираться в её покои и каким образом на столе появлялась красная роза. Как только мысли возвращались к одинокому цветку у окна, нотации матери чудесным образом переставали угнетать, шушуканье придворных за спиной становились тише, а солнце за окнами дворца светило ярче и радостнее. И вот – вечер, когда принц Андоим сделал ей предложение...

Принцесса не могла объяснить, почему после того, как её будущий супруг признался, ей не стало легче. Быть может, оттого, что пропала интрига, исчезло воздушное ощущение чуда?

Таира сощурилась, вглядываясь нечто сверкающее, почти звенящее в ярких солнечных лучах, отбрасывающее дивные блики на стены...

Она оторвалась от дверей, медленно подходя к столику. На этот раз возлюбленный принёс не розу. Удивительной красоты ожерелье переливалось всеми гранями прозрачной, как хрусталь, россыпью мелких драгоценных камней, подобных которым Таира никогда не встречала. И в самом центре, хитросплетением сиреневых, нежных нитей, выплавленных из цельного камня, мастер изобразил блистающее сердце, чьё мягкое сияние завораживало, увлекало в маскарад спрятанных внутри огней...

Она осторожно, кончиками пальцев подцепила украше-

ние, подходя к зеркалу. Подняла руки, аккуратно застегивая ожерелье, несмело улыбнулась своему отражению. Она хороша – нет, правда, хороша. И этот подарок... казалось – прощальный, последний подарок её выдуманного возлюбленного... шёл как нельзя лучше к её сиреневой шали, к её серебристым волосам, белому платью...

Двери приоткрылись, впуская одну из приближенных дам.
– Вас желает видеть его высочество принц Андоим, – негромко сказала она, и Таира поспешила покинуть опочивальню.

С радостным возбуждением спешила она в кабинет, где, по обыкновению, дожидался её жених. Нынче должны были они отправиться на конную прогулку вдоль парка, но мать задержала её, и Андоиму придется подождать ещё немного, пока она не сменит платья.

– Ваше высочество, – нежно позвала Таира, останавливаясь в дверях.

Крон-принц, ожидавший её в кресле, поднял голову и застыл. Его лицо отразило нечто непонятное – ничего похожего на те чувства, которые она ожидала и к которым была готова – ни восхищение, ни радость, даже не вежливую улыбку – самый настоящий откровенный шок. Он даже подниматься не стал – просто смотрел, как замороженный, на блиставшее на её шее свадебное ожерелье.

Приближенная дама поклонилась и вышла, плотно закрыв створки дверей. Андоим переводил ошарашенный взгляд с

украшения на прекрасное лицо принцессы, не в силах вымолвить ни слова.

– Ваше высочество, – повторила Таира, смущённая такой реакцией. – Вы удивлены? Я решила примерить ваш подарок. Это так восхитительно, правда, ваше высочество. Я подумала... вам понравится, если я надену его. И ещё я хотела поблагодарить вас. За все эти дни, наполненные сказкой, за эти красные розы, и за это прекрасное украшение, как венец нашей любви... Вы и вправду... настоящий романтик...

Андоим опомнился, рывком поднялся, приближаясь к невесте.

– Я подумал, вам надоели цветы, – с трудом выдавил он, включившись в игру. – Вам и правда нравится?

– О! О, конечно, – облегчённо выдохнула Таира: крон-принц снова стал похожим на прежнего себя. – Но и розы мне очень нравились, ваше высочество. Правда. Очень...

Крон-принц принял протянутую руку, склонился, медленно прикладывая к губам. Сказать, что он был потрясён, означало не сказать ничего. Украденное ожерелье! Здесь, во дворце, на шее его будущей супруги! Быть может, это дело рук Нестора? Проклятый герцог всегда что-то недоговаривал. Вот и сейчас! Должно быть, его ищейки давно отыскивали украшение, или же эта баба в доспехах, капитан столичной стражи, отыскала украденное ради него – между этими двумя явно происходило нечто странное – в любом случае, хитрый Ликонт провернул большое дело без его участия, даже

не потрудившись поставить его в известность! Ничего, пробыёт и его час тоже. Осталось недолго, совсем чуть-чуть...

Крон-принц не собирался ждать законного дня, чтобы взойти на престол. Отец натворил немало глупостей за время своего правления, коим он положит конец, придя к власти. И самым первым, пожалуй, станет устранение тайного советника – светлого герцога и генерала Нестора Ликонта...

Северина рассматривала мужчину так пристально, что тот едва выдерживал сверлящий, колющий взгляд светлых глаз-лыдинок – но выдерживал, не собираясь отступить от назначенной цели. Причиной непробиваемого спокойствия служила собственная убедительная правота и непривычная, но отрезвляющая пустота правого рукава, заправленного в карман мундира.

– Я не привыкла признавать чужую правоту, – выговорила наконец императрица, постукивая отточенными ногтями по подлокотнику, – но вы импонируете мне, герцог. Что заставляет вас так заботиться о безопасности моей дочери?

– Не ищите скрытого смысла там, где его нет, ваше величество, – Нестор говорил без улыбки, ровно, подстраиваясь под тон властной собеседницы. – Мой долг – обеспечить скорейшее заключение этого брака, и нет нужды скрывать, что Валлии не нужна война. Уверен, война не нужна и Аверону.

Подписанные бумаги могут значить сколь угодно много для монархов, но они не значат ничего для народа. Как только жители Галагата увидят будущую королеву Таиру, лёд в их сердцах тронется. А с заключением брака и рождением наследника растает окончательно – не сразу, но с годами, если мы и дальше будем действовать столь же мудро. Но я трезво оцениваю свои способности. Я влиятелен, но не всемогущ. В Галагате, в королевском дворце ваша дочь окажется среди чужих людей, многие из которых настроены по-прежнему враждебно к любым попыткам короля Харитона свести агрессию на нет. Да, с нею будет ваш эскорт, отобранный из лучших воинов и офицеров, которые есть в Ренне, я уверен. Но вам ли не знать, что лучший телохранитель для женщины – это женщина. Я знаю только одну такую в вашем окружении.

Северина выпрямилась, сцепляя пальцы замком перед собой. Ледяное выражение на холёном лице дрогнуло, взгляд на миг ушёл в сторону – всего на миг, но этого хватило Нестору, чтобы мысленно поздравить себя с первой победой.

– Я наблюдал, – продолжил герцог, чуть подавшись вперед, – за тем, что происходит в вашем дворце. Какие слухи витают в воздухе. Какие настроения скопились вокруг вашей верной помощницы, леди Марион. Может, вам это не так сильно бросается в глаза, ваше величество, но я, как человек посторонний, увидел это сразу. Синюю баронессу едва терпят при дворе, – по выражению, мелькнувшему на ли-

це Северины, Нестор понял, что попал в точку; то, что так тревожило императрицу, теперь находилось на поверхности, вызванное разговором. — А в свете последних скандальных событий... я не горжусь тем, что сделал, ваше величество. Дружеский поединок завершился катастрофой, и, будь моя воля, я бы всё переиграл. Но покушение... простите, ваше величество, но я могу расценивать произошедшее со мной лишь как покушение, потому что ничего не помню из того, что произошло в саду...

— Герцог, — императрица вспыхнула, разомкнула пальцы, вновь цепляясь за подлокотники, — уж не смеете ли вы обвинять меня, или баронессу...

— Нет, — покорно согласился Нестор. — Не смею. Именно потому, что связанные с подобным обвинением проблемы не нужны ни вам, ваше величество, ни мне. Я пришел сюда с определенной целью, и портить отношения с кем-либо, и тем более с вами, ваше величество, ею не является. Но сложно не признать тот факт, что имели место два скандальных события, одно за другим, и в каждом была замешана Синяя баронесса.

— Как и вы, герцог, — не преминула вставить императрица, вновь переплетая пальцы.

— Кто я такой для вашего двора, ваше величество? — резонно поинтересовался Ликонт. — Даже пройдишь я голым по бальному залу, какой вред это нанесет вашей репутации? Я — всего лишь грубый валлиец для придворных реннского

дворца, ваше величество. Низший сорт.

Северина вздрогнула, впервые за весь разговор опуская глаза. Тайный советник Харитона, имеющий право говорить с нею от имени короля, оказался ещё более непрост, чем она думала. Столь умного, хладнокровного, проницательного и расчетливого помощника ей всегда не хватало в собственном окружении – отчасти потому, что сама Северина не доверяла ведение дел никому, кроме себя.

– И вы предлагаете?..

– Отправьте Синюю баронессу для сопровождения принцессы Таиры в Галагат. И пусть она остаётся с нею до тех пор, пока вы сами не решите, что настроения ваших придворных изменились, и они готовы принять и терпеть её и дальше. Или пока в её услугах перестанет нуждаться принцесса Таира.

Императрица колебалась, он видел, чувствовал это. Она всё ещё не могла довериться ему, но и не могла не признать его правоту.

– Война закончилась, ваше величество, – тихо сказал Нестор, глядя в прозрачные глаза-льдинки. – Нужды в таком количестве бывших военных больше нет. Как нет нужды в подмочивших свою репутацию простолюдинках у императорского престола. Вы поступили мудро, – мягко проговорил Нестор, не отрывая глаз от императрицы, – приблизив леди Марион, когда вам требовалась защита и поддержка. Но в новом году на престол взойдёт император Таир, которому

вряд ли понадобится женщина-телохранитель. Синяя баронесса выполнила свой долг у вашего престола, ваше величество. Самое время ей тихо уйти в тень... откуда она и вышла.

Северина выдохнула, тиская собственные пальцы. Ликонт говорил правду, и разве его вина, что правда звучит так цинично? Ей приходилось уничтожать чужие судьбы, убирать людей, отработавших своё – но за годы службы Синей баронессы Северина привыкла к ней, как привыкают возвращенные няньками барышни к любимым служанкам. Леди Марион предугадывала каждое её желание, не дожидаясь, пока императрица озвучит неприятный приказ, действовала быстро и решительно, не задавала вопросов и ни разу, ни словом, ни жестом, не выразила своего недовольства.

– Незаменимых людей не бывает, – проронил герцог, выпрямляясь в кресле. – И вы знаете это, ваше величество.

– Я... обдумая ваши слова, герцог, и дам вам ответ будущим днём.

Нестор склонил голову, выражая готовность ждать, сколько потребуется её величеству.

– Есть ещё один момент, – Ликонт привычно шевельнул правой рукой, тотчас спохватившись и бросая быстрый взгляд на Северину: императрица нарочито не заметила показавшийся из кармана пустой рукав. – Возможно, ещё рано говорить об этом, но когда мы уедем, у вас будет время обдумать предложение. Речь пойдёт о землях, принадлежащих роду Синих баронов...

Януш сидел у самой воды, сложив руки на коленях. Он приходил сюда почти каждый день, всегда в разное время, стараясь застать её здесь. Леди Марион с того дня он не видел ни разу, а ведь уже на этой неделе их делегация покинет Ренну. Он хотел поговорить с ней, увидеть хотя бы один – возможно, последний – раз.

За прошедшие дни многое изменилось. Первые сутки после того, как Нестор пришел в себя, патрон молчал, не реагируя на вопросы и тревожную заботу Януша. Так же молча выполнял он всё, что просил лекарь, подчинялся уходу, даже внял просьбам об отдыхе и не пытался встать с кровати, уставившись неподвижным взглядом в потолок. Януш позволил ему уйти в себя – Нестору, как и любому другому человеку в его положении, требовалось время, чтобы принять случившееся. Насколько получилось бы у молодого генерала смириться с обрётённым дефектом, лекарь не брался судить.

Нестору Ликонту случалось выживать в аду самых кровавых битв и вести одновременно несколько военных кампаний – на полях сражений, в дворцовых интригах и политических кругах – и доктор был уверен, что герцог справится и на этот раз. Даже если это заберёт чуть больше времени и сил.

Словом, Януш всегда знал, что его патрон – сильный человек, но, пожалуй, даже он не подозревал, насколько.

Следующие сутки Нестор посвятил физическим упражнениям, испытанием того, что осталось от его тела. Осла-

бевший после болезни и потери крови, бледный, непривычно тихий, но собранный, как перед походом, Нестор сделал первые осторожные шаги от кровати к зеркалу. Изучив заросшее тёмной бородой лицо, герцог принялся методично разматывать скрывавшие рану бинты. Все увещевания Януша пропали втуне: Нестор, казалось, вообще не слышал находящегося в опочивальне доктора. Внимательно рассмотрев культю, герцог вытянул обе руки вперёд, сравнивая левую ладонь и обрубленное предплечье, а затем велел Янушу вновь перебинтовать рану.

Нестор не остановился и на этом: следующим этапом он вызвал камердинера, и тот, следуя указаниям, привёл господина в приличествующий высокорожденному вид. Освежённый, бледный и решительный, как смертник, герцог продолжал методично следовать своему невидимому плану.

Усадив Януша за письменный стол, Ликонт надиктовал лекарю несколько деловых писем для валлийских придворных и его величества короля Харитона, затем медленно, но уверенно вывел левой рукой свою подпись и скрепил письма личной печатью.

Лишь тогда Нестор позволил себе вновь отдохнуть, безропотно, даже безразлично проглотив лечебные отвары, поднесённые ему лекарем. Без всяких эмоций наблюдал он за перевязкой культи и нанесением живительных мазей, без аппетита, словно и тут следуя некому обязательному перечню, пообедал, и вновь уставился взглядом в потолок.

И только тогда Януш понял, что патрон вовсе не ушёл в депрессию, как случалось со многими больными: взгляд блестящих глаз хоть и оставался неподвижным, но горел тем необыкновенным огнём, который выдавал в герцоге его особую черту – напряжённый мыслительный процесс, внутренний монолог, умение расставить шахматные фигуры на доске и обыграть сложную партию со всех сторон.

И, пожалуй, эта странная сосредоточенность пугала больше, чем непривычное молчание и отборная ругань накануне.

Когда принц Орест зашёл на следующий день к другу, он едва поверил своим глазам: Нестор встретил его одетым, спокойным, даже улыбнулся, приветствуя августейшего, и первым принялся за расспросы о том, какие события дворцовой жизни он вынужденно пропустил. Орест отвечал рассеянно, не решаясь поверить, что Ликонт вот так запросто пережил и смирился со страшной утратой, но мало-помалу втянулся, заулыбался в ответ, с радостным облегчением понимая, что друг жаждет общения более чем жалости.

На вопросы о здоровье герцог широко улыбнулся и ответил, что чувствует себя хотя и необычно, но вполне терпимо. Януш не поднимал глаз: только он знал, какую боль чувствовал Нестор в тот самый миг, когда улыбался принцу, как болело и ныло отрубленное запястье, и – что самое неприятное – болело там, где болеть уже не могло...

А затем Нестор вернулся к дворцовой жизни, демонстрируя необыкновенное жизнелюбие и отличное самочувствие,

несмотря на заправленный в карман военного мундира пустой рукав; побывал на званых обедах и ужинах, заново влюбил в себя местных красавиц, сыграл вничью шахматную партию с крон-принцем Таиром, рассмеялся его шутке и ответил своей; получил и провёл несколько личных аудиенций с императрицей Севериной.

И лишь по вечерам, во время перевязок, после изнурительных придворных игр и бесконечного притворства, Януш замечал его взгляд, направленный на висевший на стене двуручник...

– Я подумала, что найду тебя здесь. Здравствуй, Януш.

Лекарь вздрогнул и обернулся: шум воды скрыл от него шаги, а собственные мысли заглушили цокот копыт.

– Миледи...

Марион спустила коня к воде, позволяя животному сфырканием зайти в ручей, и присела рядом. Януш смотрел на неё, забыв обо всём: о прошедших тяжёлых днях, о дворцовых сплетнях и о патроне...

Он запомнил её поверженной, раненой, обозлённой и обессиленной, почти нагой, защищённой лишь плотной тканью походного плаща, – сегодня перед ним сидела ухоженная, одетая в платье тонкой работы женщина с аккуратно уложенными волосами. Короткие чёрные кудри, обрамляющие овал её лица, выдавали неприятность, произошедшую с роскошными прядями, но сегодня она вовсе не казалась униженной или уязвлённой. Пожалуй, лишь бесконечная уста-

лость, мрачной тенью ложась на лицо, портила правильные черты.

– Долго ты ждал?

Януш коротко улыбнулся.

– Не очень. Я стараюсь не отлучаться надолго из дворца.

– Беспокоишься о герцоге?

– В свете последних событий... имею на это полное право, миледи, – тихо ответил лекарь, не отрывая от неё глаз.

Марион вздохнула, обхватила колени руками, натягивая ткань юбки. Разговаривать с доктором оказалось сложнее, чем она предполагала: баронесса слишком привыкла к враждебным фразам, язвительным шуткам и колючим словам придворных бесед, чтобы сейчас адекватно реагировать на лишенный всякой агрессии, полный участливой заботы голос Януша. Лекарь знал всё, что происходило между ней и Ликонтом – и тем не менее, в понимающих зелёных глазах она не видела ни ненависти, ни неприязни, ни даже осуждения.

– Я не думала, что так всё выйдет, – призналась ему баронесса, поглаживая левое плечо: рана затянулась, оставив ноющую царапину. – Я не собиралась оставлять генерала калек. Я всего лишь хотела его смерти.

По лицу лекаря пробежала тень: женщина, чьё присутствие так странно влияло на него, вызывая ответную сладкую дрожь, непривычную и оттого пугающую, в его теле, оказалась на деле страшным человеком, убийцей. Светлые меч-

ты о том, что он встретит юную, невинную девушку и влюбится, чтобы жениться и завести семью, основанную на взаимной любви и доверии, разбивались, как хрустальная ваза при первом знакомстве с жестоким каменным полом. За годы жизни при монастыре Единого Януш утвердился во мнении, что идеальные отношения могут быть только такими, ведь первая любовь всегда самая сильная... и что воздержание необходимо, чтобы, встретив ту, единственную, суметь по достоинству оценить то, как они берегли себя друг для друга.

Жизнь показала обратную сторону медали, и Януш просто терялся в догадках. Быть может, он не достоин такой, чистой и непорочной, любви? И эта женщина – искушение, самое настоящее искушение для него? Ответа он не знал, но ясно понимал, что не сможет жить, как прежде, и делать вид, что этой встречи не было. Она ворвалась в его жизнь – и он оказался не готов, сдал позиции при одном лишь виде прекрасного противника.

– И он умер бы, если бы сэр Дейл не был так поспешен, и ты не оказался бы на месте, чтобы вовремя оказать помощь.

– Зачем вы так? – спросил Януш, сглатывая вставший в горле ком. – Зачем? Я... знаю, что произошло в битве при Пратте. Нестор рассказывал... но миледи! Вы оба воевали, вы знаете, что такое убийство на поле боя. Кажется, по военному уставу это даже не считается преступлением.

– Считается, – сухо вато поправила Марион, – если враг

просит о пощаде и готов сдаться.

– Вряд ли командующий Магнус просил о пощаде, – мягко сказал лекарь, не глядя на собеседницу. – Герцог сделал то, что сделал бы на его месте каждый. Вы тоже убивали, не спрашивая чинов и не делая скидок на родственные связи. Ведь так?

– Так, – согласилась воительница, глядя на их зеркальное отражение в прозрачной воде, – но это случилось, и я ничего не могу сделать. И генерал знает, что я не забуду о своем долге кровной мести.

– Долг, – Януш передёрнул плечами, – кровная месть... миледи, это лишь слова, пережитки дикого прошлого. Есть кое-что ещё, о чём вы не подумали. Есть ещё... прощение.

Марион не выдержала, повернулась к молодому доктору, рассматривая его лицо. Не найдя в честных глазах подвоха, фыркнула, не сдерживаясь, неверяще покачала головой.

– Прощение! Януш! Порой я думаю... откуда ты такой?! Прощение... а разве генерал Ликонт просил меня о прощении? Нет? Вот и я не помню такого! Зато прекрасно помню, как он начал наше знакомство, как унизил меня перед моими воинами – такое не забывается! Читай нотации своему патрону, Януш, потому что это он поступил, как пережиток прошлого, как дикарь и варвар, и заслужил то, что получил!

– Он тоже неправ, – грустно согласился лекарь. – Но какой смысл искать правых там, где их нет? На вашем месте я бы задумался о насущном, о том, что действительно име-

ет смысл... Мужа вы не вернёте, но можете потерять то, что имеете, если ввяжетесь в войну с герцогом. Он сильнее вас, правда, леди Марион, он... у него такие связи... – Януш запылся, не решаясь продолжать. О том, какие родственные связи у Нестора Ликонта, и впрямь следовало молчать; достаточно того, что об этом прознал крон-принц Андоим, в тот же день возненавидевший герцога, но, тем не менее, побоявшийся устранить его. – У вас есть сын. Прежде чем развязывать войну, нужно хорошо подумать, готовы ли вы рискнуть благополучием своих близких...

Удар опрокинул его на землю. Януш оторопело разглядывал холодное голубое небо над головой, и на его фоне – побледневшее от ярости женское лицо с огромными темными глазами, блестящими, как звёзды в безлунную ночь. Марион схватила его за воротник, приподнимая с земли.

– Скажи мне, Януш, – медленно и раздельно проговорила она, – твой патрон знает, где ты? Это он послал тебя... с предупреждением? Угрожать мне... моему сыну! Или, может быть, он нанял тебя для шпионажа? Отвечай!

Она встряхнула его, приближая его лицо к своему, и от этой невозможной близости, этого дурманящего запаха лесных трав, сумасшедшего желания он не смог больше сдерживаться. Схватив за плечо, Януш притянул её к себе, касаясь мягких, тёплых губ своими, замер, вдыхая женское тепло – вкус незнакомого счастья...

– Януш, – поражённо выдохнула Марион, мгновенно рас-

цепив кольцо.

– Нет, – прошептал он, не отрывая от неё глаз. – Мой патрон не знает, где я...

Вот теперь Марион верила ему – окончательно и бесповоротно. Она наконец поняла, что не давало ей покоя рядом с этим молодым лекарем, с готовностью пришедшим ей на помощь в самый трудный, самый отчаянный момент её жизни.

Его взгляд. Так смотрят на прекрасную, заветную и заведомо недостижимую мечту...

А ведь друг из Януша наверняка ничуть не хуже, чем любовник. И предавать Ликонта явно не входило в его планы...

Вот только шутить с такими, как этот Януш, баронесса не любила. Среди множества уловок и ухищрений придворных игр она не пользовалась только одним – манипуляцией искренними чувствами. Не собиралась и теперь, и совершенно точно – не с этим человеком. Удивительным. Достаточно смелым, раз решился играть втайне от всемогущего патрона, и видаться с ней, несмотря на очевидную для себя опасность, и достаточно безрассудным.

– Януш, – Марион поднялась, растерянно глядя на него сверху вниз. – Януш...

– Не надо ничего говорить, – попросил лекарь, вслед за ней поднимаясь на ноги. – Прошу вас. Я всё понимаю, но... не надо. Оставьте мне надежду. Миледи...

Марион встряхнула головой, прикладывая ладонь к губам, постояла секунду, глядя на молодого доктора, замерше-

го в ожидании, и, развернувшись, свистнула коня. Скакун вышел из ручья, фыркая и пригарцовывая, и воительница запрыгнула в седло.

Скоро цокот копыт смолк, приглушённый водой и лесными звуками, и Януш остался один. Или, точнее, один на один с собственными спутанными, растревоженными мыслями...

Флорика воровато огляделась, ступая в опочивальню баронессы, высматривая вездесущую камеристку госпожи, ворчливую Юрту. Вот уж кого она боялась до дрожи, как лесного пожара! Упаси Единый, если эта... это... если Юрта прознает, что она удумала!

Благовония, украшения, платья и прочие женские секреты находились всецело в её ведомстве, и Юрта следила за этим зорче, чем личный телохранитель императора за вверенным ему делом.

Этот вечер был последним, когда она могла увидеть валлийского лекаря. Завтра утром делегация покидала Ренну – а значит, у Флорики оставалось совсем мало времени на осуществление сумасшедшего плана. Девушка ни на что не надеялась – но хотела увидеть красавца лекаря ещё хоть один разок. Кто знает, а вдруг...

Флорика остановилась перед высоким зеркалом, рассматривая собственное застывшее в неловкой позе отражение.

Сложно было назвать её сейчас неотразимой красавицей, но вот ежели б мерзкая старуха Юрта поколдовала над ней, как колдует перед каждым званым ужином над госпожой – ох, как хороша бы она была! По мнению самой Флорики, у неё были все шансы – если бы уложить прямые каштановые пряди в высокую прическу, если бы одеть одно из тех блестящих, красивых платьев, какие она видела у местных дам, если бы привести в порядок сбитые в кровь, загрубевшие руки со множеством ссадин, царапин и синяков, если бы...

Улыбаясь своему мысленному образу, Флорика несмело потянулась к трюмо, перебирая стеклянные пузырьки. Ну вот как миледи тут вообще что-то разбирает? Столько бутылок, и каждая пахнет чем-то особенным.

Девушка открывала один пузырек за другим, вдыхая незнакомые, дивные ароматы, неловко поднесла запястье к горлышку одного из них, пропустила капельку, тотчас тщательно закручивая бутылочку. Присев около трюмо, Флорика с интересом рассматривала баночки, мази, краски, кисточки – всё богатство женского арсенала, тонкости которого ей, возможно, только предстояло постичь. Или нет – Фло не слишком задумывалась о том, что готовит ей жизнь.

Гребни лежали тут же, и девушка с удовольствием расчесала длинные тёмные волосы, плащом укрывшие открытые плечи – Флорика надела единственное платье, которое у неё имелось «на выход». Это платье подарила ей сама леди Марион в тот единственный год войны, когда они с Синим баро-

ном встречали день рождения Михаэля дома. Им с Фео тоже достались подарки – миледи всегда привозила что-то для неугомонной парочки, странным образом выделяя их среди слуг.

Не удержавшись, Флорика полезла в карман пышной юбки и надела золотой браслет, украденный у Нивелийской леди на площади. Вот теперь она – почти картинка. Девушка покрутилась перед зеркалом, заулыбалась собственному отражению, мечтательно перебрала висящие на крючках драгоценные украшения. К браслетам Флорика питала особенную слабость – торопливо скинув золотой ободок, девушка примерила один за другим все имевшиеся в трюмо браслеты. Руки уже сами тянулись к изумрудному колье, когда в смежных покоях раздались торопливые шаги, и Флорика испуганно дёрнулась, одним движением срывая с себя украшения.

– И ей понадобились жемчужные булавки именно сейчас? – услышала девушка ворчливый голос Юрты за дверью. – Поверить не могу, что она попросила именно вас...

Фло упала на живот, подминая под себя пышную юбку, и ужом скользнула под кровать. Дверь распахнулась, впуская в опочивальню верную камеристку – Фло узнала её по размашистому, тяжёлому шагу – и незнакомую даму, мелко и бойко процокавшую следом.

– Я просто оказалась рядом, и сама предложила помощь, ведь как раз направлялась в восточное крыло, – голос выдал незнакомку: Флорика прекрасно знала визгливый тон леди

Августы, главной соперницы миледи в борьбе за влияние на императрицу. – Я подумала, что если встречу вас, передам вам её просьбу. Леди Марион была слишком занята, чтобы ответить мне, но уверена, её молчание означало согласие и благодарность.

Юрта фыркнула, роясь в ящике стола: о чёрной добродетели леди Августы уже ходили легенды. Нивелийская леди, по слухам, даже милостыню не подавала, не озабочась прежде выгодой, которую ей могли сулить нищенские языки и уши – лучших информаторов в Ренне не сыскать, чем уличные попрошайки, знающие всех и вся.

– И чем это миледи была так занята, что сдержалась и не ответила? – буркнула камеристка, доставая жемчужные булавки.

– О, её вызвали к её августейшему величеству, – приторно пропела Августа, прохаживаясь вдоль порога опочивальни, чтобы иметь лучший обзор всех углов чужой спальни. – Её императорское величество с утра была не в духе... не завидую баронессе, совсем не зави... мой браслет!

Августа подбежала к трюмо, схватив украшение, едва ли не приплясывая от бешенства. Флорика сжалась под кроватью, прижав пальцы к губам. Дурёха, ох, дурёха! Забыть ворованную вещь, прямо на столике у миледи! О Единый, что же теперь будет...

– Воровка! Воро-овка!!! – взвизгнув, заголосила Нивелийская леди, потрясая золотым браслетом перед носом у

Юрты. — Эта... грубая мужланка... выскочка... простолюдинка... безродная шавка... воровка, подлая воровка! Я говорила, говорила императрице, что нельзя доверять черни! Как Марион в наряд не ряди, она свиньёй и останется! — Августа нервно расхохоталась, оттолкнув камеристку с дороги. — Вот оно, вот оно! Бесчестие, позор! Ваша леди падает даже тогда, когда падать больше некуда! О-о-о, будьте уверены, Северина узнает об этом! Все узнают!..

Юрта охнула, устремляясь вслед за разбушевавшейся Нивелийской леди в смежные покои. Крики переместились в коридор, и в опочивальне стало тихо. Флорика опустила лицо на подставленные ладони и тихо заплакала, чувствуя нежный аромат на запястье — единственное, что напоминало о её уже окончательно испорченном наряде...

Генерал Нестор Ликонт бросил прощальный взгляд на реннский дворец. История со свадебным подарком разрешилась неожиданно и странно — ожерелье отыскалось в опочивальне той, кому предназначалось. Если бы можно было обратиться к начальнице столичной стражи и привлечь её ресурсы для выяснения этого тёмного и запутанного дела, генерал сделал бы это. Но он не мог; и тайна так и осталась неразгаданной.

Северина ответила согласием на оба его предложения.

Случившийся прошедшим вечером скандал лишь подогрел желание императрицы избавиться от недавней помощницы. Герцог поинтересовался деталями, и получил их в самых ярких красках от леди Августы, взамен вытребовавшей от него обещание написать письмо с тем, насколько благополучно они добрались до сердца Валлии – Галагата. Герцог пообещал – в лице Августы он получал почти бесценный информационный кладёзь всех слухов, пикантных событий и скандальных связей при реннском дворе, а уж это давало ему такие неограниченные возможности, что Ликонт мог гордиться собой. Беспокоила только необыкновенная настойчивость Нивелийской леди, но пока что можно оставить всё, как есть: время было его союзником.

Скандал замяли; слово леди Марион против слова леди Августы. Синяя баронесса сослалась на странную готовность Нивелийки идти в чужую опочивальню – уж не затем ли, чтобы подбросить якобы ворованный браслет? Придворные не знали, кому верить – Марион, несмотря на царившую вокруг неё неприязнь, сумела создать себе авторитет уважаемой женщины, человека, который не станет бросать слов на ветер; в отличие от Августы, чей чёрный язык пугал даже самых влиятельных людей Аверона.

И всё же третий скандал за прошедший месяц стал последней каплей для Северины: чаша весов дрогнула, увлекая бывшую верную незаменимую помощницу вместе с собою вниз. Императрица пожелала отправить её подальше от

двора – и предложение Ликонта пришлось как нельзя кстати. Синей баронессе были не рады в Авероне – по крайней мере, сейчас – а в Валлии для неё открыта, можно сказать, новая жизнь.

Северина прокрутила разговор в голове несколько раз, прежде чем позвать леди Марион – удивительно, но даже ей было сложно вести подобный разговор с баронессой, хотя императрица много лет, без всякого сожаления изгоняла неугодных придворных со двора.

Марион выслушала её с непробиваемым выражением лица. Как всегда, баронесса не высказала своего недовольства, не проронила ни слова против императорской воли, но Северина знала – в этот самый момент она потеряла самое главное, что было в её личной помощнице и телохранителе – преданность. В тот миг, когда императрица начала говорить, с каждым словом, от которого каменели черты посеревшего лица баронессы, она по капле теряла её верность, её лояльность к патронессе, её готовность порвать в клочья тех, кто угрожал бы авторитету, репутации, здоровью и жизни императрицы. И это оказалось тяжело.

– Скажи мне что-то, – не выдержала тогда Северина, устав ждать от неё реакции. – Марион!

Воительница смирila её взглядом – таким, каким она смотрела на Августу в моменты её диких выходок – и очень спокойно спросила:

– Что вы хотите от меня услышать, ваше величество?

И в тот миг Северина поняла, что доверительные разговоры остались в прошлом. Синяя баронесса могла молчать – но никаких слов не требовалось ей, чтобы осознать главное: Марион не забудет предательства и унижения, пережитого в рабочем кабинете императрицы. А значит, об этом нельзя забывать самой Северине, ведь жалость к неприятелю – самая худшая вещь из возможных. Она не могла считать отныне леди Марион другом, а значит, баронессе придется провести в Валлии долгие, долгие годы...

Марион вспоминала об аудиенции, сидя верхом на коне и в полном облачении. Она, как капитан столичной стражи, и её воины сопровождали делегацию до самого выезда из города. Это был последний день её службы у императрицы. Северина отпускала её домой, в фамильный замок Синих баронов, чтобы привести дела в порядок и должным образом подготовиться к переезду. Принцесса Таира с эскортом отправлялась в Галагат уже через три месяца – монархи спешили, заключая союз, едва выдерживая положенные церемонией сроки – а с ней отправится в путь и сама Марион.

Пожалуй, лишь печальные известия из дому, полученные накануне аудиенции, помогли ей держаться, не поддаваться уничижительной волне, окатившей, казалось, всё её существо. Никогда прежде Марион не чувствовала себя настолько раздавленной, побитой и униженной – как старая брехливая псина, которой даёт пинка хозяин...

Письмо, полученное накануне, было написано управля-

ющим и имело крайне лаконичное содержание: благородный сэр Кеннет, занимавшийся воспитанием Синего баронета Михаэля, тихо скончался во сне от затяжной хвори, кончину от которой давно пророчили все лекаря...

Судьба подбрасывала ей испытания одно за другим, и Марион не знала, хватит ли у неё сил победить в бесконечной борьбе. Будто недостаточно было того, что она потеряла Магнуса! Будто недостаточно свалившихся на неё проблем, вражды с Ликонтом и внезапного помешательства Северины, решившей покончить с верной многолетней службой и отправить её на вражескую территорию, чтобы навсегда избавиться от непростой ситуации, сложившейся вокруг фаворитки – а уж в том, что вернуться в Аверон в ближайшие несколько лет ей не удастся, Марион не сомневалась. И вот теперь – друг семьи, почти родственник, близкий человек, единственный, кому могла она доверить воспитание своего сына...

Михаэль поедет с ней, это решено. Марион знала, что такое жизнь при монастырях, куда отправляли отроков влиятельные родители в подобных случаях. Нет. Довольно. Из-за проклятой войны, проклятой службы и проклятой императрицы она потеряла почти десять лет драгоценной жизни её сына. Её не было рядом, когда он болел и нуждался в ней, когда он радовался своим успехам, когда звал, проснувшись с криком от ночных кошмаров. Довольно, довольно! Её мальчик остался сейчас совсем один, и не было рядом никого,

кто помог бы пережить горе – сэра Кеннета Михо считал почти дедушкой, и потеря его была значительной для детского сердца.

Валлия – не лучшее место для того, чтобы растить ребёнка, но Михо скоро станет совсем взрослым... ещё всего семь лет – и он войдёт в права наследия замка и земель Синих баронов. Тогда она сможет отпустить его, позволить жить самому. А до тех пор... её мальчик нуждался в ней, её ласке и заботе, защите и любви. Он поедет с ней, это решено.

И если ублюдок Ликонт только попробует косо взглянуть в сторону Михаэля, только попробует...

Марион остановила коня, гаркнула команду, выстраивая воинов по обе стороны городских ворот, отъехала, пропуская делегацию через подвесной мост.

Почётный караул отдал честь валлийским гостям, отсалютовав бывшим врагам копьями, и ехавший чуть позади крон-принца герцог придержал коня, останавливаясь напротив неё.

– До встречи в Галагате, леди Марион, – Нестор удерживал поводья левой рукой, позволяя складкам плаща скрыть то, что осталось от правой. – Я буду ждать вас с большим нетерпением.

Шлем скрывал половину её лица, но Нестор увидел, как дрогнули её губы. Поняла...

Поняла, кто уговорил Северину спровадить буйную воительницу подальше от реннского двора. Поняла, кто сплани-

ровал свою партию на много ходов вперёд, поняла...

Ведьма промолчала.

Ликонт жёстко усмехнулся – одними губами – и чуть нагнулся вперёд, внимательно рассматривая аверонскую вязь на капитанском шлеме воительницы. Сегодня был последний день её службы, последний раз, когда она одевала капитанский доспех. Догадывался ли об этом Ликонт, Марион не знала – и уже не хотела знать, не желая думать именно сейчас о том, что ещё приготовил ей ненавистный генерал.

– Знаменитая реннская сталь, – герцог качнул головой, вновь выпрямляясь в седле. – Сталь – крепкий металл, леди Марион. Она ломается, но не гнётся.

Нестор тронул поводья, догоняя крон-принца. Ехавший впереди, сразу за принцем Орестом Януш оглянулся, выискивая Марион глазами среди рядов закованных в латы воинов, и тотчас отвернулся, когда патрон подъехал к ним.

Валлийская делегация проехала подвесной мост, и любопытствующие горожане, шумно прощавшиеся с будущим супругом любимой принцессы, принялись расходиться по домам...

ЧАСТЬ 2. Эпидемия

Он встряхнул колбу, перемешивая споры плесени и питательную среду, и плотно закрыл колпачком. Приготовленной смеси хватило на пару десятков таких колбочек, настаивать которые приходилось в полной темноте – подвал его лаборатории как нельзя лучше подходил для этого.

Получение нового лекарства занимало долгих четырнадцать дней. Вначале следовало дожидаться появления зеленовато-синей плесени на порченном хлебе или фрукте, затем пять дней настаивать отделённые споры в полной темноте, и ещё семь – в специальной смеси, разлитой по чистым колбам. Только после этого жидкость можно было фильтровать и быстро морозить, чтобы избежать повторного разложения уже готового лекарства. С заморозкой приходилось сложнее всего – Януш использовал для этого нижний подвал лаборатории, где на стенах выступала изморозь, а принесенная вода покрывалась ледяной коркой.

За годы войны Янушу приходилось встречаться с многочисленными случаями ампутаций конечностей и заражениями от, казалось бы, совершенно безобидных царапин, погубивших великое множество людей.

Он ничего не мог сделать, но каждый раз, бессильно наблюдая за тем, как мучился и умирал на его руках человек,

ненавидел собственную беспомощность так сильно, что это не давало покоя даже во сне. Он начал опыты и эксперименты ещё тогда, в первый год войны, выкраивая драгоценные часы, минуты покоя, не давая отдыха уставшему мозгу, заставляя себя думать и искать решение.

Он давно применял в своей практике бальзамы, мази и настойки, созданные своими руками, обладающие удивительными целебными свойствами, и буквально ставившие безнадежных больных на ноги. Давно, ещё до знакомства с Ликонтом, когда приходилось перебиваться от заработка к заработку, за Янушем закрепилось опасное прозвище – колдун. Будь он чуть более известен, гнить бы ему до конца дней в королевских тюрьмах за подобную славу, а ещё больше – за свои страшные опыты и их невероятные результаты. Да, пожалуй, обвинения в колдовстве Януш боялся больше, чем какой-нибудь суеверный простолюдин из глухой деревушки. Там местная власть может отправить за подобное на костёр – официально запрещённый вид казни, но по-прежнему популярный на окраинах дикого королевства – а здесь, в столице, его ждала либо позорная казнь на площади через повешение, либо пожизненное заключение.

Герцог оказался начисто лишён подобных предрассудков. Янушу несказанно повезло – прознав о его экспериментах и постоянных поисках лекарства, Нестор отвёл ему целую лабораторию в подвалах фамильного замка, снабдил всем необходимым, обеспечил условия, о которых лекарь и меч-

тать не мог. Среди слуг, конечно, поползли нехорошие слухи о колдовских опытах, чёрной магии и продаже души Клеветнику, но постоянная нужда в его лекарских услугах и непререкаемый авторитет самого герцога закрывали рты самым отъявленным сплетникам: слухи не выходили за пределы замка Ликонтов.

Вернувшись из Аверона, лекарь с прежней страстью принялся за эксперименты. Не только потому, что соскучился по работе – просто за работой он не так часто вспоминал о единственной женщине, пробудившей в нём самые дикие, самые откровенные и неправильные мечты. Мысли о ней сводили с ума, и он забывался в темноте своей лаборатории, стараясь не вспоминать ни о неприкрытой наготы первой встречи, ни о тёплых губах второй. Старался не думать и о лютой ненависти, вспыхнувшей между ней и патроном – леди Марион, какой бы сильной ни была, обречена на провал.

Нестор редко вспоминал о произошедшем в Ренне, но время от времени, в их вечерних беседах за шахматной игрой, признавался, что давно готов к встрече с баронессой. Януш ему верил: порой патрон просил его помощи в написании писем, хотя давно научился владеть для этого левой рукой, и по тайной переписке с Севериной лекарь понимал, что герцог уже сделал то, что обещал – лишил Марион всего, что у неё было. Или почти всего.

После их возвращения из Аверона прошло почти полгода – прибытие принцессы Таиры для свадебной церемонии

пришлось отложить из-за кончины престарелого императора Тория и связанного с событием траура. На престол взошел император Таир, старший брат принцессы, и Нестор уже наладил с ним переписку. Януш не до конца понимал, какую игру ведет патрон, работая на два фронта – короля Харитона и императора Таира – пока Нестор не признался сам: после свадебной церемонии с принцессой Таирой крон-принц Андоим вступал в наследство большей части королевства. И, по уверениям Нестора, вряд ли насытился бы этим.

Если так случится, что король Харитон неожиданно скончается, и крон-принц взойдет на престол, Нестор недолго задержится при дворе, и недолго протянет в принципе – Андоим ненавидел и опасался его настолько, что был готов на всё ради его устранения. Более того, с устранением Ликонта ничто не сдержит Андоима от братоубийства – его младший брат принц Орест мог претендовать на престол в случае смерти крон-принца – а значит, в глазах Андоима тоже был опасен.

Януш ничего не смыслил во дворцовых интригах, но очень хотел, чтобы патрон не просчитался, и у него получилось сыграть очередную красивую партию. Нестор был единственным гарантом его благополучия, и не только его одного – судьба августейшего Ореста тоже зависела от защиты и протектората тайного советника его отца.

Ликонта, тем не менее, все хитросплетения чужих судеб и политических игр не тревожили, казалось, вовсе. Гене-

рал проводил смотр войск, учения, приезжал в фамильный замок, наслаждаясь отсутствием необходимости постоянно быть при дворе, интересовался работой Януша, занимался постоянными тренировками, привыкая к новому телу и разработанному лекарем специальному протезу, и, на первый взгляд, полностью восстановился после случившейся с ним неприятности; даже, казалось, остыл от собственной горячечной ненависти в ожидании прибытия аверонской делегации.

Тревожило Януша как личного лекаря герцога лишь одно – полное отсутствие интереса патрона к обществу. Нестор никого не хотел видеть и никого не приглашал погостить в семейный замок – а уж раньше у владельца всего северного предела Валлии постоянно гостили друзья. Родственников у Ликонта практически не осталось, и герцога, казалось, полностью устраивал затворнический образ жизни. А ещё за всё это время, начиная с окончания войны, патрон не интересовался и женским обществом тоже, флиртуя только в переписке с Нивелийской леди Августой – по острой необходимости, получая взамен пикантнейшие подробности реннской жизни.

Януш не задавал вопросов. Герцог ждал, он тоже. Время тянулось медленно, но неотвратно, и сегодня наступал тот самый день, когда прибывала в Галагат реннская делегация аверонских гостей, среди которых – будущая королева Валлии, Таира, и её личная телохранительница, Синяя баронесса.

са Марион...

Генерал стоял на возвышении, перед дверьми галагатского храма Единого, устремив взгляд на главные ворота города. Сопровождаемая валлийским эскортом, встретившим её ещё на подъезде, в Галагат въезжала аверонская делегация во главе с принцессой Таирой. Толпившиеся вдоль красного коридора горожане шумно приветствовали будущую королеву, и в воздухе повис общий восхищённый гул: красота юной принцессы и её мягкая улыбка с первого взгляда влюбились в себя всю столицу.

Ликонт чуть повернул голову, глядя на застывшего перед ним крон-принца Андоима и стоявшего за его спиной, по правую руку, принца Ореста. Король Харитон встречать аверонцев не выехал, готовясь к торжественной встрече во дворце, но отправил со своими сыновьями тайного советника.

Гости приближались – открытая, богато украшенная карета принцессы Таиры, и двое конных рыцарей, ехавших чуть впереди и прокладывавших путь для августейшей особы. Ещё двое всадников следовали позади кареты, замыкая эскорт, и за ними – весь аверонский двор, который сопровождал принцессу: всадники и кареты, повозки и обозы.

Ликонт обвёл эскорт быстрым взглядом ещё раз, и его

глаза наконец встретили ту, которую он так долго ждал. Ле-ди Марион ехала впереди кареты, одна из тех самых конных рыцарей – в полном облачении без всяких знаков отличия, в тяжёлом доспехе, вооружённая, неуклюжая и напряжённая, как и положено телохранителю. Глаза её ощупывали площадь и шумящий народ, чужих воинов, выстроившихся вдоль красного коридора, и каждый камень на пути кареты – бегло, цепко и без всякого интереса.

А потом она подняла глаза, встречаясь взглядом с генералом, и остановила коня. Карета остановилась тоже; кронпринц Андоим спустился со ступеней храма, приближаясь к ожидавшей его невесте.

Нестор смотрел на прибывших, на приветствие будущих супругов, но взгляд его то и дело возвращался к закованной в латы фигуре. Вместо шлема голову воительницы покрывала кольчужная сетка, но несколько волнистых чёрных прядей выбивались из-под скрывавшего волосы капюшона, обрамляя хмурое, но ничуть не изменившееся лицо.

Ничто в ней не изменилось; всё казалось знакомым. Сорвать бы с неё этот проклятый доспех, увидеть её слабой, беззащитной, в женской одежде, подчинить себе – так, как она вынуждена была подчиняться ему в танце. Знай он, чем грозил ему тот вечер – сломал бы ведьме запястье, вывернул пальцы, порвал бы шнуровку корсета, заставляя спастись позорным бегством из бального зала...

Он хотел видеть её глаза, когда она узнает, чего лишилась.

Он хотел видеть её поражение. Да, пожалуй, в тот самый вечер, когда он лишился руки, он понял, что такое ненависть. Это то самое чувство, когда действительно ничего не возможно вернуть, и уже ничего не изменить...

Приветствие крон-принца Андоима и принцессы Таиры закончилось, весь эскорт двинулся во дворец. Ликонт быстро спустился с лестницы, запрыгивая в седло поданного ему скакуна, тронул поводья, догоняя августейших.

– Ваше высочество, – поприветствовал он Таиру, поравнявшись с открытой каретой. – Рад снова видеть вас. Надеюсь, вам понравится в Галагате.

– О, мне уже всё очень нравится, герцог, – улыбнулась Таира, чуть поворачиваясь к Ликонту. – Спасибо вам за заботу.

– Рад слышать, – сдержанно улыбнулся Ликонт. – Если вам что-нибудь понадобится... что угодно, ваше высочество... я буду рад помочь.

Последнее было добавлено с особой интонацией, заставившей принцессу прислушаться. Таира растерянно кивнула.

– Я запомню, герцог.

Ликонт склонил голову, тронул поводья, проезжая мимо. Бедная девочка. Нет, он действительно хотел ей помочь, вот только... вот только вряд ли он в силах это сделать. Таира была так юна и так прекрасна, с таким большим нежным сердцем, способным сделать счастливым любого достойного её руки мужчину, что он с большой неприязнью думал о том,

какой муж достался этой малышке. Таира напоминала ему о сестре – Наала была ненамного старше принцессы – и, вспоминая о сестрёнке, Ликонт и мысли не допускал, что её мог бы коснуться кто-то, подобный Андоиму. Но у каждого своя судьба, и он, Нестор Ликонт, тоже не всемогущ. Доброе слово – вот и всё, чем он мог помочь Таире.

– Леди Марион! – широко улыбаясь, Нестор поравнялся с воительницей. – День сегодня особенно хорош, не так ли?

Баронесса смерила его косым взглядом, продолжая путь, и генерал едва не вспыхнул от бешенства. Она игнорирует его! Она! Та, которая должна валяться у него в ногах, вымаливая пощады! Ведь это он, и только он, мог вернуть ей утраченные земли – о чём она, впрочем, пока не подозревает – и в его власти вернуть ей положение и восстановить растоптанный авторитет. Ничего, время придёт... и она сама приползёт к нему... на коленях...

Нестор с трудом подавил в себе первый яростный порыв. Ведьма определённо околдовала его! Как ещё объяснить то, что несмотря на утраченную руку, на уродливую отметину на его лице, на унижение и боль – он продолжает желать её, страстно, горячо, при одном лишь виде плотно сомкнутых губ, мрачной тени, портившей черты красивого лица, глазах, тёмных, бездонных, чей взгляд сводит его с ума?..

– Нехорошо, леди Марион, – насмешливо проговорил герцог, не сводя с неё глаз. – Где же соответствующее приветствие? Или ваше воспитание? Знание этикета? Ах да, про-

стите великодушно, погорячился... Какое воспитание у дочери фермера, подрабатывавшего разбоями и вооружёнными грабежами? Да ваш отец не дожил до каторги только потому, что спился, заложив всё имущество и не оставив семье ни гроша даже на собственные похороны...

Марион с трудом удержала коня, крепче стискивая зубы. Выведал, всё выведал, подонок! Проклятый герцог, должно быть, разослал шпионов по всей империи, чтобы вытянуть гадкую правду на поверхность – то, что так тщательно похоронил Синий барон, Ликонт выкопал, даже не потрудившись отряхнуть от грязи.

– Вы что-то сказали, герцог? Тут шумно, вас плохо слышно, – Марион медленно обернула к нему каменное лицо, смерила долгим взглядом. – Мне показалось, будто что-то пропихало над ухом, но могло и показаться.

Ликонт лучезарно улыбнулся, наклонился к ней.

– А может, ваш отец попросту не учил вас чистить уши? Леди. Марион...

– Этому отец нас и правда не учил, – воительница нашла в себе силы улыбнуться в ответ. – Зато учил всегда давать сдачи. Мне кажется, ваше лицо и ваша рука должны были прочувствовать наше семейное кредо на себе.

Настал его черёд притворяться глухим. Нестор улыбнулся, не размыкая губ.

– До встречи во дворце. Леди. Марион... И не беспокойтесь: вас там уже ждут. С нетерпением.

Он тронул поводья, ускоряя шаг своего коня, и прищипнул его, пробираясь во главу следовавшей улицами города процессии. Он уже почти оторвался от основной колонны, когда от толпы отделилась фигура, бросившись под копыта его коню. Животное захрипело, становясь на дыбы, и Ликонт вцепился в гриву левой рукой, едва удержавшись в седле. От стройных воинских рядов, сдерживающих толпу, тотчас отделились двое стражников, оттащивших грязную, в лохмотьях, старуху с дороги.

– Берегись женщины, мой король! – закричала сумасшедшая, вращая огромными, безумными глазами. – Она коварна и опасна, береги-ись! Она хочет погубить самое дорогое, что у тебя есть! Но она... она падёт от твоей руки, мой король!.. Береги-и-ись...

Нестор ошарашено наблюдал, как стражники выкинули старуху в толпу – и та тотчас поглотила грязную нищенку, смыкая свои ряды. Что за бесовка! О Единый, должно быть, безумная старуха была пьяна! В предсказания городских сумасшедших может поверить только такой же сумасшедший – стыдно с его стороны придавать этому хоть какое-то значение.

Ликонт усмехнулся, тряхнул головой, спроваживая наваждение, и тронул поводья, возвращаясь в процессию.

Михо растерянно осмотрелся: всё в новом доме казалось маленьким и непривычным. Мама ходила по холлу, отдавая указания. Плош и Кешна, их слуги, супружеская пара, приехавшая с ними из замка Синих баронов, носились туда-сюда, перетаскивая мешки, коробки, тюки и узлы из их обоза в новый дом. Им помогали Фео и Фло, сэр Эйр и даже госпожа Ами, новая учительница для Михо на время их пребывания в Галагате.

Мама не говорила, сколько им придётся жить тут, но Михо и сам понимал: долго, очень долго. Если бы не близнецы, которых мама взяла с собой главным образом ради него, он бы окончательно раскис: слишком уж разительной оказалась перемена внешней обстановки после замка Синих баронов.

Леди Марион сняла дом на окраине Галагата, в тихом районе, недалеко от небольшой часовни Единого. Здесь не было шума толпы главных улиц и громогласных криков торговцев, предлагавших свой товар, все дома казались чистыми и ухоженными, и этого оказалось достаточно для баронессы, чтобы тотчас снять один из них. Престижный и богатый район Марион даже рассматривать не стала: чем дальше от глаз и ушей местной знати, тем лучше. Достаточно того, что ей самой придётся неотлучно находиться при Таире в давящих стенах дворца.

Она собиралась приезжать в этот дом, как только выдавалась бы такая возможность – днём ли, ночью, но, по крайней мере, в случае нужды от дворца до их тихого дома на окраи-

не столицы она доберётся за считанные минуты. С собой баронесса брала лишь верную Юрту, остальная прислуга оставалась в доме, с сыном.

Плош и Кешна обеспечат уют и порядок, госпожа Ами позаботится о том, чтобы её сын не превратился в варвара и получил если не блестящее, то достаточное образование, Фео и Фло не дадут заскучать, а сэр Эйр, столь великодушно согласившийся следовать за ней, и даже после позорного поединка с Ликонтом не утративший своей преданности, обеспечит безопасность, не отлучаясь от Михо ни на шаг.

– Ма-ам, – протянул Михо, неуверенно касаясь её руки. – Ма-ам, ты останешься на ночь?

Марион привлекла сына к себе, обняла, целуя в макушку. Михо рос послушным и спокойным ребёнком, чудом не избаловавшись в отсутствие родителей, и чудом не утратив свою отличительную черту – несгибаемый внутренний стержень, унаследованный им от отца. Магнус, помнится, ни разу не изменил своим принципам и убеждениям, оказавшись достаточно сильным, чтобы пойти против течения общественного мнения, и в то же время сделать это без всяких конфликтов и скандалов. Если бы у Михо получилось построить свою жизнь столь же мудро, если бы только быть уверенной, что её мальчик ни от кого не будет зависеть...

– Нет, солнце, – она сжала сына в объятиях, сглатывая вставший в горле ком. – Я не могу. Я бы очень хотела, очень...

– Но не можешь, – эхом откликнулся Михо, обхватив её руками.

Переход от Ренны до Галагата занял чуть больше недели. Всё это время они были неразлучны, а проведенные вместе дни и ночи стали большим откровением для обоих. Марион с удивлением понимала, как сильно вырос её мальчик, как изменился – в свои девять лет Михо вёл беседы с нею почти на равных, рассуждал, задавал вопросы – и в то же время, казалось, совершенно не тяготился изнурительным путешествием, не пожаловавшись ей ни разу на усталость или скуку. Марион и радовали и огорчали подобные открытия: похоже, её маленький сын повзрослел без неё, и слишком рано, обретя эту недетскую серьёзность, с которой его тёмные, пытливые глаза смотрели на мир.

Марион, впрочем, не подозревала, с каким радостным возбуждением ждал этой поездки сам Михаэль – ведь все эти дни они должны были находиться вместе, рядом друг с другом. За первые совместные вечера и ночи в шатре он успел рассказать матери почти всё – и в то же время совсем ничего. Каждый вечер был похож на сказку – он засыпал рядом с мамой, чувствуя, как она легонько поглаживает его волосы, слушая её тихий голос, поющий его любимые с детства колыбельные...

Он привык справляться со всем сам. Даже когда рядом находился сэр Кеннет, Михо постоянно чувствовал на себе груз ответственности, некое бремя свободы выбора. И вот

теперь – мама...

Ей Михаэль мог доверять что угодно. Она незримо бывала рядом с ним всё это время; он почти слышал её голос, почти ощущал тепло её присутствия – даже несмотря на то, что видел её всего несколько раз в году...

– Тогда иди, – сын первым оторвал голову, заглядывая ей в глаза, – мы тут сами справимся, правда. Я буду ждать. Завтра?

– Завтра, – кивнула Марион. – Я очень постараюсь.

Она поцеловала сына, с трудом отрывая его от сердца. Теперь, когда они были вместе, расставаться оказалось ещё больнее. Будто заново отрываешь от себя едва прижившийся кусок...

– Фео, Фло! – прикрикнула баронесса, разворачиваясь к застывшим близнецам. – Из дому ни на шаг! Оставайтесь с Михо, и слушайте старших! Сэр Эйр, – Марион заглянула в глаза верному помощнику, – я очень надеюсь на вас.

– Не беспокойтесь, – верно истолковал полный тревоги взгляд рыцарь. – Ваш сын в надёжных руках. Вы меня знаете.

Марион устало улыбнулась, кивнула. Сэр Эйр, один из самых преданных рыцарей покойного командующего и один из первых, присягнувших ей на верность после его смерти, действительно оказался самым надёжным защитником из тех, кого она могла бы взять с собой. Эйр готов был служить до последнего вздоха, последней капли крови, и не спустит глаз с Синего баронета. Да, она могла ему доверять.

Отдав последние наставления госпоже Ами, Плошу и Кешне, леди Марион в последний раз поцеловала сына и быстро покинула дом, запрыгивая в седло. Юрта должна была дожидаться её во дворце, не отходить от её высочества ни на шаг, и доложить обстановку сразу по прибытии. Что бы она делала без верной камеристки!

Юрта постаралась на славу. К её прибытию принцесса Таира была весела, улыбчива – по-доброму ворчливая камеристка могла поднять настроение кому угодно, развлекая бесконечными байками – и практически готова к ужину, на который сама Марион едва не опоздала. Баронесса наспех привела себя в порядок, позволяя Юрте уложить отросшие волосы и приводя в порядок исцарапанные, загрубевшие за время похода руки. Камеристка приготовила для неё светло-серое платье – неброское, но элегантно, нежное и ненавязчивое. В таком наряде просто стать королевой вечера и просто скрыться от чужих глаз – в завивимости от обстановки.

Марион накинула на плечи прозрачную шаль, схватив поданный Юртой веер и выскальзывая за двери. Принцесса Таира ожидала её в смежных покоях, в своей опочивальне, сидя перед зеркалом. Баронесса невольно улыбнулась, задержав взгляд на девушке: Таира была прекрасна, как всегда;

и как всегда, неуверенна в себе.

– Я хорошо выгляжу, Марион?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.